

Королевский маскарад

Автор:

Оксана Демченко

Королевский маскарад

Оксана Демченко

Мир Саймили #2

«Свобода!» – сказала сбежавшая от подданных королева, и вздрогнула империя, на которую направила свое внимание эта милая и совсем не злая ведьма, не умеющая жить тихо. Увы, ее дети тоже не промолчали, все шесть, да и король наточил клинки и снарядил лук... Все надели маски, желая сохранить тайну своего пребывания в большом мире. И начался большой королевский маскарад, о котором люди вряд ли забудут даже много поколений спустя.

На этом маскараде кое-кто под маской найдет судьбу, а иные просто развлекутся от души, обучая пустынных злодеев шамииров щедрости, эффрита – жизнелюбию, гномов, сказать страшно... высотному пилотажу. Некоторые останутся серьезны: они заняты плетением политических интриг, это дело ответственное и непростое. Впрочем, и его можно уладить без лишних проблем. Вот как сделали люди льда: предложили эльфю двух покладистых жен, чум и оленей в придачу – и обрели в итоге немало, на зависть всем соседям...

Оксана Демченко

Королевский маскарад

Глава 1

Бегство

- Прокляну! Вот просну-усь и о-оу, прокляну...

Прозвучало сонно и неубедительно. Таким счастливым тоном не проклиняют, вот уж точно. Даже когда тебя будят самым возмутительным способом – то ли укусив за ухо, то ли поцеловав. Ласка или подлый намек на то, что у эльфов уши несколько длинноваты? Уже двести лет длинноваты, и до сих пор иногда обидно. Прежние были, если вспомнить, тоже симпатичными. Но королю и такие нравятся не меньше. Тем более – нечего намекать... Ухо подверглось повторной атаке.

- Точно, вот проснусь – и того! О-оу, прокляну, – хихикнула-зевнула ведьма. – Рир, ваше величество, ты что, зверски голоден? Уши обкусывать лезешь...

- Пора сбегать, – тихо и серьезно шепнул король в укушенное ухо. – Ты обещала. Днем приедут гхросские гномы, две дюжины, с королем во главе. Это большой прием.

- У-у-у, – ведьма спустила ноги с кровати и приняла переданную ей охапкой одежду. – И правда, беда! Две дюжины, важные-е-е...

- А к вечеру подтянется король Ронига со всей семьей. Он заподозрил у дочери талант мага и будет донимать Эриль, расхваливая новую ученицу. Теперь модно быть магом и воспитываться в нашей долине. Поясняю: выходит, визита в наш недостроенный дворец не миновать, ночка-Сэль.

- Что ж ты, гад такой, пораньше не укусил? – возмутилась королева. – А ну как не успеем свалить? Прокляну!

- Слушать приятно-то как, ночка! Ты совершенно неисправима, ведьмочка моя.

Королева довольно изучила старые походные вещи, давно вычищенные и приготовленные, изрядно слежавшиеся на дне сундука. Платья – это мило, подданные уверяют, что она в длинном, приталенном и на каблуках особенно хороша. Хотя бы потому, что в указанном наряде из родной долины не сбегают даже самые утомленные бездельем и почитанием королевы. Другое дело –

любимые кожаные штаны, рубашка лнялого льна и куртка. Сэльви заулыбалась, глядя, как муж убирает в мешок две пары легких эльфийских сапог. Потом проверяет малый лук, любимые клинки. Новые, откованные не так давно при участии короля гномов Рртыха и заклинателя Лоэльви – эльфа, все более напоминающего гнома год от года. Чем? Да всем: внешностью, трудолюбием, обстоятельным спокойствием нового, взрослого характера.

Сэльви поежилась и торопливо порылась в сумке, припрятанной у изголовья: вроде все самое необходимое заготовлено... Травы, мази, кое-что по мелочи для маскировки. Орильр сердито отобрал сумку и бросил в свой мешок. Копаться явно некогда. Особенно когда у тебя шестеро детей и младшей месяц назад исполнилось сто шестьдесят пять, то есть все вполне взрослые маги третьего, а то и четвертого круга обучения. К тому же папа у них настоящий древний эльф, а мама – ведьма. Дети взяли от родителей самое... хм-м, не все подданные согласятся, что лучшее. Но, безусловно, взяли, изучили и под себя перекроили. Так что долго дурачить их тяжело, даже опытным в деле магии родителям. Приехали младшие, кто откуда, на мамин праздник: двести семнадцать лет со дня оживления долины Рэлло (таково полное его название). Отмечается в канун официального оглашения Сэльви королевой, в день Купалы – праздника, почитаемого в родной земле Сэльви, в стране Эрхой. Да и повсюду на севере, где люди чтут древнюю Правь – свод законов. Эльфы тоже чтут, то есть охотно поют северные песни и усердно собирают целебные травы для своей королевы, ведь она умеет лечить и людей, и вечных.

Сэльви усмехнулась: семейное название праздника – «годовщина длинноухости». В весенний день за полтора месяца до самой короткой ночи года его величество взял в жены человеческую ведьму, совершив полный обряд, и она стала эльфом, как и муж. Подданные узнали об этом сразу же, но добрались до долины только к середине лета. Устроили наскоро праздник. Мудрые бессмертного народа очень надеялись, что ведьма повзрослеет и остепенится, положительно повлияет на непоседу Орильра. Зря! Помнится, в этом году на Купалу они с королем искали цветущий папоротник до самой зорьки. Точнее, искали все цветущие папоротники. Он наколдовал дюжину, сама Сэльви вырастила и того больше – зато кучно, на одной уютной полянке, закрытой для доступа посторонних. Хорошо получилось, весело.

Подданные тоже радуются, когда у них хватает сил и смирения... И стараются не допустить побега. Потому что давно понятно: король желает отдохнуть от звучания слов «ваше величество», от поклонов и советов мудрых.

Сбежать собирались и планировали долго, а коварные подданные подозревали это. Месяц назад величеств поймала мудрая, а того точнее, глава Совета мудрых долины Рэлло – Эриль-а-Синни, «гулявшая» ради такого случая всю ночь под проливным дождем, да еще в сопровождении дюжины таких же бессонных караульщиков. Теперь она чихает и сердится – собственные дети не выпускают простуженную маму на новые ночные бдения. Знала бы, что чих к ней привязался не сам, а с подсказки ведьмы... Она опытный маг, рано или поздно разберется. Собственно, к обеду, как только перестанет чихать. И прибежит сюда с любимым клинком – звать на бой и ругаться. Тоже мне приключение! Все равно не убьет, хотя до сих пор она лучшая в работе с женским узким мечом-осой, это приходится признать.

– Я все предусмотрел, – гордо сообщил король. – Дети с вечера дома, все шесть штук. Мирно спят, заклятие обновил только что. В общем, кто последним проснется, тот и будет отдуваться за всех. Двое последних – мальчик и девочка... Коронуют их, бедняжек. Вынудят править долиной до нашего возвращения.

– А сам говорил: не меряй деток на штуки! – Королева торопливо застегнула пояс. – Еще когда у нас их не было, ни единой души.

– Кто ж думал, что такое вырастет? – вздохнул его величество без огорчения. – Особенно девочки, те еще... штуки. Не копайся, умоляю. Клянусь светлыми звездами, младшая что-то с вечера заподозрила. Не понимаю, как я, взрослый эльф, мог согласиться на шестую? Помрачение, не иначе. Чуюло сердце, вырастет что-то страшное.

– Ты и на седьмую соглашался. – Ведьма наскоро прочесала пятерней довольно коротко обрезанные волосы. – Но тут выяснилось, что эльфам столько сразу не полагается. Через пару-тройку тысяч лет разве что. Премудрая наша Эри мне ясно растолковала... Все, готова.

Королевская спальня располагалась на чердаке трактира. Туда она переместилась, когда упомянутая шестая дочь, Лэйли, прежде занимавшая чердак, ловко выведала у мамы, что означает у людей слово «шабаш» применительно к ведьмам. И воспроизвела с полным усердием. Орильр

поежился, ловко спускаясь по стене. Как трактир уцелел? У нормальных маленьких эльфов в семь лет еще не открывается дар магии, они вполне безопасны для окружающих. Но девочка явно удалась в маму-ведьму: что ей запреты и природные законы, когда – хочется? Не зря гномы нежно зовут малышку «бгррыхом», то есть существом сугубо взрывоопасным...

Всего детей шестеро: три мальчика, три девочки.

Старший сын – Лильор-а-Тэи. Взрослый и разумный, ответственный, толковый следопыт и неплохой маг. С оружием обращается бесподобно для своих лет, но, что еще приятнее, не драчлив. Увы, огорчает маму – не желает жениться, ни одна девушка из числа молодых эльфиек ему, видите ли, не по душе...

Второй в семье а-Тэи родилась дочь, Ольви. Хозяйственная, тихая, добрая и кроткая, словно ее мама и не Сэльви вовсе с чудовищной кипучей веселостью. Впрочем, умение вкусно готовить и вести дом дочка унаследовала сполна. Ее в долине любят и ценят. Как полагает королева, слишком ценят – и недостаточно любят.

Третий ребенок – Лоэль. Маг, уже теперь – четвертого круга, что в его возрасте невозможно и представить. Спокойный и даже чуть холодный, как полагают многие.

На три года младше Лоэля сестра Риола, тоже маг. Ее успехи не так велики и удивительны. Зато душа у Ри теплая, с животными и растениями она работает бесподобно.

Наконец, младший из сыновей – Нориль. Волос у него отливают рыжиной, рост куда меньше, чем у братьев, зато плечи тяжелые и взгляд деловито-хмуроватый, с характерной папиной глубокой прозеленью глаз. Гном – тут никто не сомневается. Лет сто пятьдесят назад в Рониге ходила нелепая сплетня, будто он неродной сын короля эльфов, прижитый его женой-ведьмой от повелителя гномов Рртыха Третьего. Сплетники давно умерли, изрядно намаявшись при жизни. Надо было крепче думать, распуская слухи про ведьму! А еще учесть, что жена Рртыха, изящная гнома Тафи, тоже знахарка и добавила от себя несколько пожеланий языкастым недоумкам. Сплетня быстро исчезла, а мальчика привыкли звать гномом – ему нравится. Отличный кузнец, ювелир,

каких мало, и заклинатель. Из пещер выбирается редко, оттого лицом бледен. Его за трудолюбие уважают и гномы, и эльфы.

Ну и, наконец, настоящий страх и гордость долины – это Лэйли-а-Тэи, бесподобная младшая дочь короля. Его любимица. Шумная, драчливая, непоседливая, талантливая, яркая. Настоящая ведьма! Папа так хотел увидеть хоть в одном ребенке мамин характер...

Спрыгнув наземь, Орильр поймал на руки свою королеву, еще разок поцеловал в ухо, поставил в высокую траву и нехотя убрал ладони с ее плеч. Огляделся. Нда, луг, мягко говоря, не самый ухоженный в столице...

Орильр улыбнулся, подал руку ее величеству, и они вдвоем побежали по лугу, на который только-только собралась садиться роса. Двести семнадцать лет назад, признавая черноглазую шестнадцатилетнюю ведьму своей судьбой, он еще смел в чем-то сомневаться! Да чем бы он дышал без нее? Мир – не место для одиноких, утомленных боями воинов. Они умеют лишь вспоминать схватки и бесконечно усердно и глупо тренироваться для непонятно когда грядущего нового боя. Зато, если воина запереть с его полного согласия в одном трактире с очаровательной ведьмой, мира не будет, но и скуки – тоже. Ни единого дня.

Эльфы тяжело пережили то, что у них более нет королевского дворца. И что при королеве не состоит двор. Мыслимое ли дело: Единственная, Сердце эльфов, красавица, удивительный лекарь, талантливый маг – и живет в трактире, каждый день готовит, сама сочиняет гадкие стишки про королеву Сэльви – то есть себя – и распевает их с гномами. Пятьдесят лет эльфы терпели и надеялись на перемены. А потом забыли о прежних традициях. Потому что если переселить королеву во дворец – кто приготовит ее фирменный сбитень? Кто испечет пирог, которому нет равных? Во дворец не ходят жаловаться на семейные неурядицы, плохое настроение или проблемы с детьми. А в трактир – очень даже ходят. Да и двор при королеве-ведьме, пусть даже доброй и сердечной, не выживет. Сплетен Сэльви не терпит, лжи и лести тоже, длинных и нудных церемоний не одобряет, а выговоривший по неосторожности при королеве слово «этикет» рискует стать заикой. Она – Сердце эльфов и гостей принимает всегда тепло и по-домашнему. Или не принимает, и тогда с ними разговаривают в недостроенном дворце сам король и Совет мудрых. Даже самые спесивые соседи из мира людей уже усвоили, насколько лучше отбросить церемонии и говорить с королевой искренне. И сколь высокая и редкая честь – получить разрешение посетить ее дом.

Но теперь-то ее дома не застанут. Пришло давно оговоренное с мужем время покинуть любимый королевский трактир, слегка покосившийся и осевший после нескольких особо удачных и памятных ссор. Дети повзрослели, освободив родителей от обязанностей и страхов.

В путь! И это не только исполнение давней мечты о странствиях. Это еще и долг. Люди опять воюют, дела у них сильно нехороши. Надо глянуть. А заодно размяться и развеяться. Дети, спасибо Творцу, выросли, и никто при этом не пострадал... Точнее, не умер – вылечили, отходили, извинились. Вот пусть теперь, голубчики, отрабатывают прошлые грехи. Кто гномам наколдовал превращение железа в золото под ударом кирки? Кто людям подсунул говорящего коня, да еще и уверенного, что он умеет петь, и не что-нибудь тихое и безобидное, а гномьи боевые марши? Кто, в конце концов, выдумал сделать былью милую детскую сказку про курочку, несущую золотые яички, и продавать квочущее чудо на сельской ярмарке как новую породу? Ох и давка была... А древовидный боб, на котором к утру висели плетень и накренившаяся избушка?

Орильр нервно передернул плечами. Не стоило так много внимания уделять сказкам! Впрочем, пусть сами теперь поймут, какова она, жизнь. Подданных немного жаль, но им не привыкать, если разобраться.

Большой луг возле королевского трактира ночью великолепен. В столице эльфов сплошная зелень, но это – лучшее место. Вытоптать луг невозможно, он столько раз заклят от увядания и высыхания, что выдерживает даже развеселые гномьи гулянки. А вокруг отстроились все самые родные и лучшие друзья. Домик мудрой Эриль, уютный крошечный замок из старого камня, – подарок гномов названной бабушке королевы – Эль, или в полном звучании имени Вэйль-а-Шаэль. Скромная гостевая дубовая избушка наместника долины Лирро, Жависэля. То есть сбежать – трудно...

Тонкий серпик луны умудрялся коварно обозначать фигуры бегущих. Звезды глазели с неба, созвездие Папоротника, благосклонное к ведьмам, расстаралось и уронило с небес алмазный цветок, обещая удачу в избранном королевой пути. Туман послушно за клубился плотнее, ветерок взвихрил его, пряча след беглецов. Вот уже и верхняя поляна, откуда прямой путь ведет к малому перевалу, за которым первая застава следопытов.

Они поверили, что смогли перехитрить всех, лишь на границе мира эльфов и людей, у заставы королевства Рониг. Добрались под утро, задыхаясь больше от азарта, чем от стремительного безостановочного бега. Там пришлось надевать сапоги и маскировку. Орильр долго развлекался, изучая в утреннем свете свое отражение в маленьком озерке. Вместо крупных зеленых эльфийских глаз – мелкие темно-серые, с приметно жуликоватым взглядом. Светлые волосы почти черны. Походка... н-да, этим придется озаботиться самому, без магии. Сэльви советовала слегка горбиться и обязательно приволакивать ноги. И теперь забавлялась от души результатом. Впрочем, его величеству тоже было вполне даже весело. Черноглазая и черноволосая ведьма теперь сверкает кошачье-зеленым взглядом. А рыжие волосы вообще ничего не маскируют – ведьма, она ведьма и есть.

Беглецы усердно обошли заставу людей и двинулись на юг узким проселком, в сторону от большой торговой дороги, ведущей к гномьему тоннелю на северо-западе, именуемому Садам гостей. Он ныряет под высочайшие пики кряжа Гхросса, а затем выбирается на поверхность у границы второй долины эльфов – северной, Лирро, где беглецов охотно встретит Жависэль. Им, собственно, туда и надо и далее через Леснию, княжество людей, снова на запад. Но – нельзя, обнаружат, пристыдят и вернут на трон. Слишком легко на дороге гномов найти любого: все пути сходятся к Саду гостей. Пару магов у входа поставить да наместника на выходе – и конец удачному побегу...

– Злые у нас подданные, – притворно вздохнула Сэльви. – Ну неужели нельзя отпустить подобру-поздорову? Мы бы чуток побродили и вернулись. Так нет, они переживают. Они нас ценят.

– Трактир ценят, а того точнее, кухню. Есть они хотят, ты возмутительно вкусно готовишь, – заподозрил в эльфах корысть их король. – Вот даже сам я, лет сто назад еще, думал сбежать один. Потом как представил, что подают у людей в их трактирах... И еще пришло в голову: ты возьмешься меня искать и догонять одна. Нет, подданные не за нас переживают, ночка моя. Они беспокоятся, уцелеет ли хоть что-то там, куда мы собрались.

– То есть чужие люди им дороже родной королевы? У-у, интриганы!

– Мне тоже их не жаль.

– Кого?

– Подданных, людей, наших деток-бггррыхов. Король я или нет? Что хочу, то и делаю.

– Ага, меня убедил. Теперь себя убеди – и все, пошли.

Орильр вздохнул, еще раз оглянулся на густой полог эльфийского леса позади. Да что плохого может случиться за несколько месяцев или, предположим, лет? Даже если непонятным и невероятным чудом Творца последней проснется Лэйли...

Король решительно поправил заплечный мешок и отвернулся. Ничего, пережили эльфы два века с королевой-ведьмой, выдержат и это. Лэйли, младшая, самая красивая, самая талантливая, обожаемая. У нее волосы цвета старого серебра и папины зеленые глаза. Почти папины... только больше отдают в бирюзу. Иные сестры черноглазы, в маму. Правда, у старшей радужки отливают глубокой синевой, а у средней украшены десятком серебряных ободков. Братья пошли в папу, все как на подбор: рослые и стройные, сильные, светловолосые, но с пасмурно-серыми глазами. Даже у Норилия зелень видна лишь при пристальном изучении... Им это не мешает жить, но родители хотели иного. Сэльви даже шептала что-то невнятное, вынашивая шестого ребенка. Поглаживала живот и сердито хмурилась, если ее одергивали – мол, нельзя так рьяно просить у звезд по мелочам, мало ли как оно выйдет. А вышло великолепно, вся долина радовалась: дочь – настоящая красавица и внешне исключительно эльф, без всяких там ведьминских штучек.

Шутка Творца стала проявляться, когда девочке исполнилось шесть лет. Внешние и внутренние области глаз стали наливаться удивительной весенней зеленью, а узкая вертикаль в середине потемнела. И теперь у Лэйли кошачьи глаза, обычный зрачок надежно прячется в темном вертикальном штрихе необычного рисунка радужки. Ей нравится, а посторонние при первой встрече только что в обморок не падают. Еще бы – совершенная пластика эльфа, мягкий журчащий голос. У мужчин слова комом в горле застревают. А красавица смотрит вниз так стыдливо, так скромно и достоверно. На это покупаются, смелеют, приступают к комплиентам, воодушевляются...

И тут она гордо поднимает голову, чтобы глянуть на ухажера в упор, и говорит свое любимое «мяу». Людей порой откачивать приходится! А ей, хулиганке, шутка Творца очень по душе. Такие глаза одни на весь свет. И она такая – одна, Единственная, совсем как мама...

Глава 2

Приключения Кошки Ли начинаются

Младшая принцесса эльфов Лэйли-а-Тэи проснулась, едва мама коснулась ногами травы. Не зря она выращивала сторожевой луг более месяца, добравшись домой раньше старших сестер и братьев. Знала: родители скучают и собираются сбежать. Следовательно, кому-то придется примерять корону. Принимать гостей, сщеживать в кулак скуку на приемах, усердно внимать советам мудрых. Без мамы с ее опасным даром ведьмы все быстро обнаглеют и вспомнят страшное слово «этикет».

Дети короля эльфов давно и прочно усвоили, как хорошо быть вечными принцами и принцессами. Все права королей на балах – и никаких обязанностей на переговорах. Их предупреждали, что рано или поздно придется примерить венцы с алмазами.

И это наказание – для нерасторопных!

Папа заклинает как никто другой, но трава – хорошее, надежное средство, к тому же зеленый мир благоволит Лэйли. Отцовское заклятие сна родилось позже ее просьбы к лугу, и трава не подвела. Все заснули, а она бодрствует. Само собой, пришлось ждать, пока родители уйдут за пределы поселка. Папа куда старше и опытнее, даже проснувшись, она не могла и пальцем шевельнуть. Зато, как только стало возможно, вскочила, оделась в три мгновения и с ходу прыгнула в окно. Второй этаж – мелочи. Разминка.

Рядом почти одновременно упал в траву старший обожаемый брат. Он приехал вторым, но у него на пятьдесят лет больше опыта. Лэйли уважительно кивнула. Вдвоем они побежали через луг, уже покрывшийся ранней редкой росой.

Еще немного – и все, станет поздно: по росе отследят, вызовут магов и поймают.

– Ловко ты. У меня трава, а у тебя что?

– Ромашки, – зевнул принц Лильор-а-Тэи. – Мамино новое ожерелье. Зря я, что ли, у гномов его заклинал три года без усталости! Ты куда теперь?

– На восток, я там никогда не была, и вообще из наших никто давно не ходил. У них вроде не очень спокойно, надо глянуть. А ты?

– За мамой, – вздохнул старший сын. – Мало ли как у них сложится дорога. Надо бы приглядеть, я тетушке Эль обещал. Да и весело будет, это наверняка. Держи подарок: кошачий глаз, полный комплект, даже ножные браслеты – они хороши для неэльфийских танцев. Если что, найду по ним без труда, изволь носить. И вот отдельно – коричневый тигриный глаз. Он для маскировки, скромненький перстенок. Пока носишь, люди твоих «мяу» не поймут, будешь кареглазая. Прочее дорисуеться, как они привыкли, сами создадут тебе облик.

– Спасибо, ты лучший, я тебя обожаю. Если что, я тебя тоже найду.

– Не сомневаюсь. Ли, котенок, умоляю, не шали слишком отчаянно. Ты все же принцесса, отдуваться им, мамуле с отцом.

– Мяу.

– Ли!

– Честное ведьминское! Паинькой буду. По мере сил, сам понимаешь.

Лильор махнул ей на прощание и побежал на запад, забирая в сторону от главной дороги. Девушка пошептала ему вслед свои ведьминские стишки на удачу, столь не любимые умными наставниками – магами-эльфами, и отвернулась. Она давно решила побывать на востоке. Там выращивают любимые пряности гномов, там производят бесподобный шелк, оттуда везут удивительные мелодии. А еще из сухой степи за горами ползут слухи, их надо

проверить бережно и осторожно.

Это будет ее первое настоящее самостоятельное путешествие. Без наставников, нянек и советников. Без родителей, переживающих за своего ненаглядного котенка, словно у нее, Лэйли, еще не отросли когти! Очень даже отросли, она способна постоять за себя. Взрослая настолько, чтобы получить право на собственное приключение, и тогда папа сможет еще сильнее гордиться любимой дочкой.

Кошка Ли обогнула поляну возле королевского трактира и замерла у высокого ясеня, позволив себе обернуться и полюбопытствовать издали с ленивым кошачьим прищуром. Вот и последняя пара сбежавших. Само собой, Лоэль желает идти на север, он без ума от снега и заклинает ветры и воду, как никто иной. Риола мечтает исполнить свою давнюю задумку и вывести сюда, на юг, пустынных ящеров из долины Лирро, где им холодно и неудобно. Местные, рэллонские, вымерли до единого, а ей, влюбленной во все живущее, очень хочется вернуть огромных ящеров, подобных легендарным драконам, на барханы южного Рэлло. Лэйли улыбнулась, дождалась, пока брат с сестрой уйдут, и двинулась своей дорогой. Этих и ловить не станут. У них дела понятные и, по мнению мудрых, полезные. Заклинать льды разучились давно, а папины книги с попыткой восстановить древние знания неполны, надо все толком проверить на месте.

Ящеров тоже многие хотят вернуть. Особенно древние эльфы, которые помнят долину Рэлло до той, невысказанно давней войны, спалившей прошлое вечных – знания, силу, жизни, страну.

Лэйли осторожно пробралась через сады, потом миновала склоны конских пастбищ. Она не особенно пряталась. Лучшая тактика – не красться, а идти с полным правом по дороге. Хватятся только утром. Сады – место тренировки молодых в танце, ее след затопчут очень надежно. Все же балы через три с половиной месяца, многие уже думают о них всерьез. «Полагают, им удастся услышать что-то кроме «мяу», – усмехнулась Лэйли. Вот еще, с детьми играть в ухаживания! Да они, даже те, что лет на сто старше, недоросли. Пусть сперва хоть решатся обзавестись характером, как братец Лильор. Вот уж жаль, что родной – всем хорош эльф. Отец его хвалит в поединках с оружием и без, Эриль говорит, что он очень скоро станет полноценным взрослым магом-лекарем, гномы утверждают – он с киркой дружен и коваль неплохой. Опять же, старший, ответственный, но без попыток задирать нос. Переживает за маму,

умница. Не случись все удачно, пришлось бы выслеживать родителей самой. Как можно короля и его Единственную отпускать без присмотра? Тем более родных, обожаемых.

А теперь она свободна, как самый безрассудный летний ветерок. Можно играть лепестками маминых обожаемых ромашек, а можно устроить грозу и шторм во всю силу. Чтоб молниям стало в небе тесно!

Лэйли рассмеялась и побежала быстрее. Любимый жеребец – вороной трехлетка – пристроился рядом и проводил до большого восточного тракта. Обещал приглядывать за табуном. Смешно! Ему еще года три о месте жожака и мечтать не стоит. Впрочем, когда она вернется, конь как раз разберется с постаревшим рыжим соперником. Ведь может статься, приключение получится долгим!

Девушка бежала ровно и легко, как и подобает настоящему эльфу. Под ноги не смотрела, о дыхании не думала. Папа позаботился о воспитании детей. Те, кто глазами не хлопал, не изводил все дни на магию и выпекание пирогов, от любого следопыта на границе ускользнут. Да и заметят – догнать едва ли смогут. Она папина любимица. Самая ловкая, самая быстрая. У нее фамильная реакция отца, лучшая даже среди эльфов. И с легким клинком-осой она управляется лучше всех. Ладно, если уж по-честному – всех, кроме тетушки Эриль и мамы.

Границу удалось пройти без помех. Она видела двух следопытов и еще нашла их засидку, а потом аккуратно обошла придорожный пост, где открыто ждали и встречали гостей. Она – видела, ее – нет.

Догорел четвертый от утра побега закат, когда холмы скрыли перевал у входа в эльфийскую долину. Лэйли не обернулась. Она еще успеет рассмотреть эти места, когда придет время вернуться. Будет радостно видеть дорогу к дому – новую, но знакомую. Пока известна лишь ее часть, вид на восток. А обратный взгляд – с востока на запад – в предвкушении. Пока ей неинтересно и нежеланно увидеть снова горы Иллора на горизонте. Это желание не сбылось, оно только копится, растет, зреет. Занятно узнать, что за напиток – тоска по дому, приготовленная из зерен урожая ожидания. Нескорого урожая, вот в чем она уверена.

Впереди – рыжебокие холмы сухой степи, все более жирные, спокойные и пологие. Теперь, когда любая погоня опоздала искать и ловить, можно смело бежать прямо по дороге. Одна беда: дороги уже почти нет. Еще пара холмов – и не станет совсем. Отсюда караваны не спешат на запад, купцы предпочитают плыть морем: чуть дольше, но спокойнее. В сухой степи живут кочевники, они бедны и не торгуют с чужаками. Эльфов опасаются, как старой страшной сказки, а пуще того боятся гномов. Первая подгорная королева гномьей страны Иллор, расположенной в кряже к северу от долины Рэлло и в самой долине, очень не любила скотокрадов. И, будучи знахаркой, то есть по понятиям людей – шаманом, спела песнь неразрывного круга. Любой вор ходил по нему со стадом, пока не дожидался хозяев скота, да еще и неспешно идущих, с подмогой – с гномами, как правило. Скот для начала разговора всегда предлагалось честно купить. И если денег не хватало – а так было тоже всегда, – гномы выпроваживали незваных гостей домой. Без скота, зато с синяками... Уже лет сто скот не воруют, да и кочевать у границ земли шаманов опасаются. Откуда тут взяться дорогам?

Лэйли вздохнула огорченно. Ей очень хотелось поскорее увидеть караван востока. Верблюды на картинках – смешные, выцветшие, плоские.

Да и магические узоры их показывают странно и искаженно. Вот бы глянуть на живых! Говорят, они куда крупнее коней и непомерно горды. А еще способны обходиться без воды дольше эльфа.

Ну хоть бы ма-аленький заваливающий караванишко!

Лэйли неуверенно глянула вверх, обращаясь к Творцу с ничтожной детской просьбой. Клонящееся к закату косматое могучее солнце не нахмурилось даже крошечной тучкой. То ли не заметило, то ли не рассердилось.

Два дня спустя небеса снизошли до исполнения желания. Правда, как обычно, сделали все по-своему. С кошачьим ленивым прищуром – не то, что заказано, но мы и не тебя слушали...

Она одолела последний холм, неуверенно опознав его именно как холм – дальше начинались барханы. Почти такие же, как на юге Рэлло, там есть небольшая пустыня. Эта – большая, настоящая, идти через ее самое трудное и сухое пекло человеку с неспешным торговым караваном – месяц. Девушка уже наполнила фляги и приготовилась к переходу. Закляла кожу на защиту от жары, напоила влагой, как только смогла. Нагнала загар, защитила глаза гномьими темными

очками, достала большую шляпу и теплый халат, надела сапоги. Настроилась на ночной бег.

Караван шел с востока и был невелик: с десятков верблюдов. Лэйли в другое время счастливо вздохнула бы, села и стала смотреть, как они двигаются. Животные вообще красивы, а шаг незнакомых – это чудо. Приятно следить за каждым движением, постигая суть нового, живого, сотворенного тем, кто трудится над этим миром от его начала. И никогда не делал работу плохо и наспех.

Но, увы, сидеть не пришлось.

Караван оказался мертв. Люди лежали повсюду, и было видно – их обошли и добились. Как и коней, и раненых верблюдов. Последних уцелело три, они жалобно стонали над телами своих погонщиков, беззащитные, ставшие добычей скотокрадов. Люди каравана сделали, что смогли. Уцелели всего-то двое. Один вовсе плох, лежит без движения. Второй замер над ним и готов принять свой последний бой. А как ему, уже раненному, устоять против десяти здоровых бойцов и еще дюжины лучников? Кстати, именно стрелой его и достали. Зло, подло – в ногу, и теперь, прямо у Лэйли на глазах, в правое плечо, чтобы не убежал и не мог оказать достойного отпора.

Девушка побежала быстрее, на ходу удивленно прикидывая: ведь не скотокрады! Слишком у них хорошие кони, да и оружие держат, как воины с опытом. Немалым, по меркам людей. Она сама была такова, отзанимавшись первые лет... да двадцать, не меньше! Определенно серьезные бойцы. Вот только посвятили себя дурному делу.

Лэйли нашарила в ближнем нагрудном кармане перстенок с тигриным глазом и надела. Усмехнулась. Брат бесподобно делает маскировку! Длинные черные волосы упали на плечи тонкими косичками, кожа стала еще темнее прежнего, скороспелого, заклятого загара, да и короткий халат смешно поблек, изуродованный убогим полосатым узором. То есть стал таким, каким его охотно и привычно готовы увидеть люди, уставившиеся на нее от нижнего излома бархана. Интересно, чему они так улыбаются?

Добежав, Лэйли замерла в настороженной кошачьей позе в десяти шагах от ближнего, с достойным опасного случая вниманием изучая замешательство

лучников. Из дюжины ее удостоили прицеливанием двое, и то – скорее изучали, оценивая далеко не как бойца.

– Дождись очереди, женщина, – рассмеялся богато одетый конник, не покинувший седла. – Я сам уделю тебе внимание. Сначала я, а уж потом – мои воины. Тебе не будет скучно.

Он говорил на языке, подробно выученном эльфой давным-давно во время торга по поводу обожаемого восточного шелка. Кстати, это – лойшский диалект, вслушалась Кошка Ли. Внимательно рассмотрела коня, сбрую, оружие и одежду самоуверенного всадника. Наконец, его фигуру, посадку, лицо. Ничего особенного. Типичный наемник, средних лет, явно преуспевающий. Даже накопил денег на гномью сталь. Подгорники неохотно делают восточные сабли – в соседнем со страной гномов человеческом королевстве Рониг это товар неходовой. Обычно – создаваемый под заказ. Берут за работу дорого. Впрочем, чужим людям гномы оружие вовсе не куют. Продают заготовки из настоящего булата. И ронигские мастера работают, по мере сил копируя стиль подгорников. Но даже такая сабля стоит слишком дорого для скотокрада.

«Итак, вожак разбойников богат», – заключила Лэйли. Возмущенно фыркнула: а сам-то неопрятен, грязноват, среднего роста, жирен и несколько не в форме, мягко говоря. Лэйли закончила осмотр, приняла решение: прошла к раненому и встала рядом.

– Давай сэкономим время, – предложила эльфа. – Мы вас, как любит говорить мама, того, и верблюды наши.

– То есть до торга в Эфизе ты дожить не желаешь, – усмехнулся «купец». – А я уже хотел сказать, чтобы тебя не били слишком сильно, не портили шкуру. Доброта обычно не ведет к пользе дела.

И добавил, чуть повернувшись к своим подручным:

– Убрать всех. И чисто.

Предводитель разбойников рванул повод, вынуждая коня вздыбиться и закрутиться на месте. Лэйли указала раненому на седока и коротко бросила: «Твой». У нее снаряженного лука нет, а у парня в ногах как раз лежит подходящий. Мужчина нервно дернул здоровым плечом, но спорить не стал. То есть тоже полагал – седок жить не должен. Лэйли отстегнула рукоять убранного в пояс клинка. Эльфийская гибкая булатная оса, длинная. Мамины заклятия, папина ковка... Он всегда надеялся, что оса не пригодится дочери в настоящем бою. Говорил, убивать – не женское дело. Наверное, был прав, но здесь особого выбора у нее нет. Пройти мимо, отвернуться – и себя уважать станет не за что.

Лучник, выцеливавший Лэйли с первого мгновения, разочарованно сплюнул в песок. Убивать молодую симпатичную женщину, не наигравшись, ему было досадно. Уже все себе представил, уже давно в мыслях сорвал халат. «Самой собой, первым после хозяина», – усмехнулась Лэйли. Они тут все – первые после хозяина. И потому ее будут убивать прежде израненных людей, от злости за неосуществленное. Удачно. Иначе могло бы не хватить времени. Отбить назначенные ей стрелы успеет, а нацеленные в соседа – едва ли.

– В брюхо, – лениво бросил первый лучник.

– Красивая грудь, – отозвался его сосед. – Я бью под правую, пусть еще повизжит.

Лэйли стояла и с отвращением слушала продолжение издевательского выбора мишеней на ее теле.

Это – люди? Она знала их давно, с раннего детства, полторы сотни лет. Но не таких. Отец предупреждал, но поверить было невозможно. Еще он просил не судить по подобным выродкам обо всех. Людей много, и они разные. Один, уже раненный, стоит рядом и будет пытаться ее защищать. Даже закрывать – видно, как дернулся. Спасибо ему, а то уже небо от чужой злобы темнеет и кажется, что привычный мир вот-вот рухнет.

– Сказала тебе, выцеливай ублюдка, – резко одернула соседа Лэйли. – Из этих кто-то нужен живым для допроса?

– Тот, в центре, с ятаганом, – неуверенно сообщил раненый сдавленным голосом. – Ты серьезно?

Ответить не удалось. Последний лучник удостоил вниманием ямочку на щеке. Эльфа возмущенно тряхнула головой – да откуда у нее, тонкой и легкой, дурацкие ямочки?

Первый лук скрипнул, изгибаясь и копя опасную силу, готовую стать смертью. И Кошка Ли прыгнула – вперед и сразу вбок, вдоль линии стрелков. Низкое гудение распрямляющейся из поясных ножен навитой на талию осы – сродни звуку тетивы, но быстрее и звонче. Оса опасна не только уколом, но и хлестким ударом. Разгибаясь, она порвала горло тому, первому, целившему в живот Лэйли. Прочие не заметили стремительного смазанного движения, укола, рывка, свистящего замаха... Только четвертый лучник успел нервно дернуть лук вверх и вправо, туда, где жертва неподвижно стояла еще мгновение назад.

Жутко им. Нет врага, есть только хруст костей, хрип и брызги крови. Седьмой завизжал, десятый оказался достаточно быстр, чтобы сообразить, насколько все плохо, и попытаться бежать. Последний спустил тетиву без надежды попасть хоть в кого-то. Просто рука уже не жила и не могла держать лук.

Лэйли обернулась к вооруженным саблями и к тому, с ятаганом, которому предстояло прожить дольше прочих. Отметила краем глаза: всадник уже падает из седла, стрела аккуратно и уверенно прошла меж ребер и достигла сердца. Самоуверенный наемник, не надевший кольчуги... и точная работа лучника. Как движения осы, предназначенной в первую очередь для укола. Тонкий клинок требует выдающейся скорости движений, он неспособен парировать тяжелый меч или даже саблю в мощном замахе: согнется, спружинит, оттолкнет назад и вбок своего же владельца, к такому нужна привычка. Да и она, Кошка Ли, не выдержит прямой удар, слишком легка. Потому оса именно женское оружие, у маленьких есть скорость. Ее не зря учили. Главное – не останавливаться, так отец говорил. Потом станет страшно и тяжело от содеянного. Важно успеть положить их всех до осознания. На раненого надежды нет.

Впрочем... Лэйли обнаружила вторую стрелу в груди одного из мечников. И заинтересовалась, во сколько жизней обошлось пленение воина. Явно тренированного мастером, способного на большее, нежели любой из фальшивых конокрадов. Ранен в предплечье, но все же и теперь ловок и спокоен. Успел положить еще одного, пока она добиралась до владельца ятагана через прочих, бестолково и испуганно машущих саблями – словно она и вправду оса, которую можно отогнать от меда таким глупым способом. Паника – удел трусов. При такой реакции могли бы создать куда больше проблем, даже ранить, пусть и не тяжело, вскользь.

Лэйли подрезала сухожилия под коленями мощного темнокожего воина и испортила ему, падающему, вооруженную руку. Вторую приколола осой к телу уже покойного поделщика. И обернулась к своему союзнику, бледному, но пока уверенно сохраняющему сознание ясным.

– Спрашивай.

– Спасибо, – удивленно кивнул тот. Чуть помолчал. – Он едва ли ответит. Но все же... Вас послал сам эфрит?

– Ты молчал, когда спрашивали, – хрипло усмехнулся владелец ятагана. – Я тоже упрям. Что может случиться со мной, кроме смерти? Она уже рядом.

– Я могу «случиться», – холодно пообещала Лэйли.

Иногда очень полезно иметь глаза дикой кошки. Одно движение – перстенок остался в ладони, возвращая прежнюю внешность. Лэйли знала, как воспринимают ее взгляд люди. Но такой бурной реакции все же не ожидала. Воин охнул и сжался, пытаясь сотворить отказавшей рукой охранный жест. Задрожал, зашептал невнятно, бледнея и заикаясь.

– Эфриты, я не знал, что встал на вашем пути. Не уводите душу к нему, я все скажу. Нас нанял повелитель страны Дэйгэ. Он не желал вмешательства магов запада. Он рассчитывал сохранить влияние при новой власти. Если мы совершили недопустимое... о, эфриты, позвольте мне уйти, я все сказал.

Не уносите к нему!

Стрела прервала поток визгливых жалоб. Лэйли еще раз отметила, что воин безошибочно бьет из лука. Надела перстень на палец и обернулась. Не хватало еще и от этого услышать вопль испуга! И без того теперь объяснений – на полный день, вот ведь незадача... Но спасенный оказался еще и умен. Кивнул благодарно и осел, роняя лук. Бой позади, последнее усилие по натяжению тетивы сожгло остатки сил. Глаза (теперь она рассмотрела – черные до фиолетового тона, как у старшей сестры) стали блекнуть, взор утратил осмысленность. Объяснять странность зрачков сделалось некому, кругом только мертвые и умирающие... ужасно.

Ей хватило времени и на истерику, и на лечение обоих еще живых, и на обучение навьючиванию верблюдов, и на осмотр каравана на предмет полезного в долгом пути. А еще на сожжение в огне магии тел погибших.

Утром Лэйли сидела у крохотного костерка мрачная и утомленная. Идти на прекрасный и загадочный восток уже не особенно хотелось. Все ее детские наивные представления сгорели вместе с караваном. Но идти надо. Эфриты – это персонажи из сказок, даже у эльфов. Теперь выяснилось, что кое-кому они знакомы в лицо. И явно подобны ей взглядом. Значит, надо разбираться. Отцу и на западе дел хватит, тут ее работа. Раз решились идти через пески звать чужих магов, значит, времени на раздумья уже нет. Вот тебе, Кошка Ли, твое долгожданное приключение – бери, как просила... Ну почему так часто сбывшееся непохоже на грезы?

Потом она пожалуется отцу. Рир умеет объяснять даже необъяснимое. А пока надо спешить.

Раненый воин очнулся на заре, когда караван из трех верблюдов уже двигался к востоку. Долго смотрел на восход, улыбаясь и шепча что-то без звука. «Наверное, молитву», – решила Лэйли. Потом попытался приподняться, удивился легкости и послушанию тела. Изучил остатки каравана. Фыркнул.

– Ты верблюдов который раз в жизни видишь, о достойная дочь мухош?

– Глупо спрашивать то, что уже сам рассмотрел. Как смогла оседлать – так и хорошо, пока кто поумнее не очнулся. Кстати, я Лэйли, или Кошка Ли, меня так все зовут. Короткое имя быстрее кричать, а я способна разозлить очень быстро. Имей в виду, и сама я сержусь весьма резко.

– Я не имею права сердиться на ту, кому обязан столь многим, – побледнел воин и согнулся в поклоне. – Простите грубость слепого и ничтожного. Своей жалкой жизнью и спасением моего господина я обязан вам, – вежливо поклонился воин еще глубже, почти лег на седло, а затем спрыгнул на песок. – Я Гэхир и имел редкую честь принадлежать достойному магу Фэризу из страны Дэйгэ. Но не смог его уберечь, и теперь ваша воля – взять меня в оплату благодарности господина за его спасение или оставить здесь, в песках, на смерть, я иного не заслужил.

– У вас все слишком кроваво, – пожаловалась Лэйли. – И все кому-то принадлежат. Ужас. Не хочу больше я туда идти, в Дэйгэ. Почему принадлежишь? И почему «оставить на смерть»?

Воин пожал плечами, удивляясь непонятливости спутницы, столь совершенно владеющей родной для него речью. И стал рассказывать подробно и неспешно, остановив караван и опустив тело мага на споро устроенное ложе, под полог, создающий тень.

Когда-то давно, уже никто не помнит точного времени, с запада пришли в край Дэйгэ настоящие маги. Они умели самое важное для сухой жаркой страны – вызывали дождь, умирляли песчаные бури, лечили от яда змей и прочих тварей пустыни. Неудивительно, что каждый властелин пожелал заполучить их для себя. Была большая война. Маги не хотели ее, да и гибли они, помогая людям, слишком часто. Потом осталось всего семь волшебников. И тогда племена одумались, собрались на большой совет. Каждый род признал магов выше султана и любой иной власти. И каждый обещал никогда не подвергать опасности жизнь творящих волшбу. А еще отсылать лучших воинов в полную власть тех, кто дарует дождь. Пока рабы молоды – служат защитой заклинателям. Старея, они хлопчут по дому, пишут историю мага и рассказывают ее в селениях. Чтобы не было соблазна уйти, вернуться к родному очагу и предать почетное и трудное служение, их не просто отдают – продают за особую цену. Род избранного воина получает в течение пяти лет обильные дожди и защиту от всех иных угроз пустыни. Сам воин принимает

клеймо мага, которому посвящен, и живет, пока жив хозяин. Гэхир показал свою метку – в основании шеи. И пояснил: рабы не могут пережить хозяина. Старая, маг вытягивает их силу, продлевает свое пребывание в мире, он полезен и должен успеть подготовить ученика. А воинов в песках много.

Тот, кто избран, но не уберег жизнь мага, должен уйти в пустыню и умереть. Высохнуть – иначе засуха падет на его род, заклеят позором. Теперь он, Гэхир, оказался именно в таком положении. И смиренно ждет решения госпожи.

– От меня немного пользы, – вздохнул воин. – Вы маг и воин, достойная. А я ничтожен дважды – не уберег и не признал. Кому нужен столь жалкий раб? Трудно и больно жить с позором. Я провожу вас и уйду в пески.

– Нет уж, – вздрогнула девушка. – Я решительно против песков. А ты не можешь мне доводиться не рабом, а проводником, допустим? У меня дома нет такого совсем – рабов. У нас строго запрещено магам-людям брать жизнь иных для своего долголетия, это закон Круга мудрых. Не понимаю, как ваши заклинатели осмелились его нарушить!

– Вынужденно, они стареют очень рано, с тридцати лет, – сообщил Гэхир. – И берут тоже – с тридцати. Мой хозяин вышел из Дэйгэ с караваном и свитой из полусотни рабов. Он «пил» нас каждый месяц, сначала старших, а потом и молодых воинов. Путь на запад опасен для заклинателей, это верная смерть. Но идти было очень надо. Он рассчитывал успеть.

– Не пил бы – не умирал бы, – разозлилась Лэйли. – Проснется, я ему мозги вправлю, и еще как! Это природа долины Рэлло, она наказывает твоего мага. Эльфы воспринимают отнимающих жизнь как зло. Любых, понимаешь?

– Значит, его долг еще выше, чем мне думалось, – вздохнул воин. – Вы должны взять плату с меня, госпожа. Он спас мой род. Любую плату.

Лэйли резко выдохнула и прикрыла глаза. Переговоры с королями людей дома, в долине Рэлло, уже не казались каторгой. Там все друг друга понимают! Там мудрые за спиной, они и помогут, и подскажут. А тут одной, посреди

песков – что говорить и как поступать? Отец советовал не решать сгоряча, слушать внимательно тех, с кем свела дорога. Он полагал: всегда можно решить дело миром, даже если обычаи очень несхожи.

«Главное, не умничать и не делать вид, что знаешь больше всех о правде местных богов», – наставлял Орильр. То есть пока она, по-видимому, слушала плохо и умничала. Зато Гэхир времени не терял. Вон верблюдов правильно перевьючил, устроил удобное место для своего бывшего хозяина, полог натянул. Предложил ей забираться в ковровое седло, почтительно подставил спину. Можно возмутиться – но стоит ли? Он старается, как может, и явно от души.

– А сам пешком?

– Рабы не имеют права поднять голову выше лица хозяина. И я не знаю, как вы решили мою судьбу. Если дело в наказании, я помогу. Конечно, я не особо разбираюсь в причинении медленной смерти...

– Постой, – отчаялась Лэйли. – Давай еще раз разберем случившееся. Как его воин – ты не имеешь права жить.

– Да.

– Как мой воин...

– Могу жить. Если вы сочтете это полезным. Но после того как оплачу долг хозяина.

– Ага, – обрадовалась Лэйли. – И любая казнь?

– Любая. Приказывайте, я буду делать все в точности, вы не сможете быть недовольны наказанием.

– Ясно. Тогда – садись уже на верблюда, упрямый дурак! Тошно глядеть, как тебя ветром качает, – сообщила Лэйли и довольно кивнула. – Ну другое дело.

Она ловко забралась в седло сама, уселась поудобнее, обняв колени руками. Изучила бледного, понурого спутника. Он жестоко страдал, нарушая запрет, но не смел согнуться, чтобы хоть немного уменьшить свой рост. Пожалуй, под плетью чувствовал бы себя лучше. Лэйли виновато вздохнула: так не годится – и пешком плохо. Слаб еще даже после лечения, упадет к закату, а то и раньше. А ей казалось, что решение уже найдено...

– Пойми ты, упрямый человек, нет у нас рабов. Мне тоже трудно. Мне не нужен раб, мне нужен нормальный проводник, свободный и здоровый. Творец, да как же объяснить? Я от тоски тут взвою в непонимании.

– Проводник, – задумался Гэхир. – Тоска? Среди наших магов нет женщин. Там, за песками, женщины сидят по домам и не дерутся, как вы, достойная. Разве что кошками... У меня была семья. Недолго, меня рано продали. Но моей жене не было скучно. И если вы таким образом понимаете мое служение...

– Ну что за день, слова не скажи! Я так хорошо выучила ваш язык! Пока я по поводу шелка торговалась, казалось, что все понимаю верно, – отчаялась Лэйли и обернулась на запад. – Папа, прости, ну чего я одна подалась в бега? Вернешься, я буду смиренно печь пироги. Лет сто, честное слово! Я еще маленькая и глупая, а напридумывала о себе невесть что...

Это покаянное сообщение Гэхир переваривал долго, молча и усердно. Он честно пытался понять свою новую хозяйку. Даже смирился с тем, что отныне принадлежит женщине, шумной и преступно непочтительной к достойному магу. Непоследовательной и лживой. Она требует стать ее проводником и сразу же заявляет, что пить жизнь нельзя. Словно просить стать проводником и готовиться пить – не одно и то же! Гэхир снес это, покорно вытерпел насмешки, унижение хозяина, свой позор.

Теперь, после странного обращения к находящемуся далеко, но явно дорогому для девушки отцу, Гэхир усомнился в своих оценках. Задумался над разговором, разбирая его заново. Пытался предположить: хозяйка и правда ничего не знает и не понимает? И проводник в ее устах – это именно ведущий караван, а вовсе не умирающий ради мага, выпитый. Значит, в седле он сидит, чтобы выжить и не упасть до ночи в песках, тормозя караван. А тоска... да поди ее пойми,

странную маг...у – магиню? Как называется маг, если он – это она?!

Гэхир устроился в седле поудобнее, еще раз покосился на сопящую, готовую заплакать хозяйку. Еще кто кого тут казнит! От мысли стало весело и странно на душе. Никто его не желал обижать. Вот бы еще понять: про сто лет достойного женщины труда. Это тоже – всерьез? И кто такие эльфы?

Самое странное то, что внешне его новая знакомая, достойная магини, – вполне обычная девушка народа песков, одета просто и привычно. И не знает обычаев. Никаких!

– Если мне будет позволено заговорить и нарушить ваши раздумья... – решил Гэхир.

– Давай, нарушай. – Она все же всхлипнула. – Хуже уж некуда. Наверное.

– Вы внешне в точности женщина народа мухош. Это чуть к северу от моих родных мест, и выговор их. Как же может быть, что вы не знаете наш обычай? Вас учили маги запада с самого рождения?

– Этой внешностью я обязана брату, он лучший молодой маг по маскировке, – вздохнула Лэйли. – Что привык видеть, то и придумал – ты сам и те, дохлые. Не уверена, что настоящая я покажусь тебе нормальной. У меня глаза странные, с детства. Это все мама, она просила, чтоб как у папы, зеленые. Ну боги и пошутили. А тот тип с ятаганом чуть рассмотрел и заорал – эфрити. Вот посмотришь и тоже за оружие возьмешься.

– Если бы достойная госпожа была эфрити, я бы уже давно оказался выпит досуха, – рассмеялся воин с некоторым облегчением. – Вы действительно не знаете наших законов. Я не мог поверить. Кем бы вы ни были, я обещал служить в оплату долга хозяина. И подтверждаю слово.

Лэйли мрачно кивнула и сняла перстень маскировки. Воин смотрел долго, смущаясь своего любопытства и не находя сил его преодолеть. Глаза хозяйки и правда оказались невероятными. Но раб, отданный магу – усвоил на своем

опыте Гэхир, – быстро обретает способность понимать и видеть иначе, полнее, нежели обычные люди. Ощущать тепло в незримой силе хозяина. Оно несет жизнь – дождь, лечение, укрощение ветра. А еще раб осознает холод. С того страшного дня, когда впервые бывает выпит, как целебный чай в жару. И остается, подобно треснувшей пиале, пустым, разбитым, старым – познавшим преддверие смерти. Проводником, совершившим первый шаг на пути к ней. Эта девушка никогда не касалась холода. Зато ее тепло удивительное, и смотреть на него, незримое, – отрадно. Слово выпитое другими магами – вернулось. Ему всего-то двадцать восемь. До первого глотка возраст имел смысл, но господинпил его жизнь тридцать два раза. То есть, надо полагать, за несколько месяцев пути на запад промелькнуло немало непрожитых лет, и ему – за сорок. Несколько мгновений назад было так. И ушло. Стоило девушке с глазами дикого горного кота шепнуть пару непонятных слов и провести рукой у самого лица своего раба. Особенно радостно то, что ей от проделанного не стало хуже, что было бы преступлением.

– Вы не эфриты, хозяйка. И вы куда более сильный и настоящий маг, чем господин Фэрис. Я осмелюсь уточнить, как вы собираетесь печь пироги сто лет? Это очень долго, дольше, чем обычная жизнь.

– У эльфов нет предела длины жизни, – улыбнулась Лэйли, радуясь достигнутому пониманию. – Нас можно убить, но по своей природе мы такие, какими становятся люди годам к тридцати. Всегда.

– То есть вам более семнадцати лет.

– Сто шестьдесят пять лет, один месяц и семь дней.

Черные глаза блеснули удивлением. Воин снова задумался, глядя куда-то вдаль и считая своих предков. Эта девочка жила, когда не родился прадед? Трудно поверить. Хотя... он сам видел, как хозяйка дралась. Точнее, не видел. Этому не учатся за одну жизнь человека, так вообще невозможно двигаться. Не зря воин повелителя и кричал – «эфриты», сущность превыше разума и силы людей... одними странными глазами опытного бойца не напугать. Что ж, может, и эфриты. Но эта, в отличие от любых иных, не обращена ко злу.

Странная магиня поняла его молчание по-своему и взялась извиняться...

– Я очень молодая и пока довольно глупая, недоученная. Ох и влетит мне от папы... Понимаешь, я должна была, по уму, везти вас обоих в долину, к нашим мудрым. Но твоему магу стало дурно, и все хуже при каждом шаге туда, на запад. Вот я и повернула верблюдов обратно. Думала – сама разберусь, я такая... – она вздохнула, – самоуверенная.

– Но теперь господин жив и не стареет. Он последний месяц пил нас очень часто, едва не каждый вечер. Он не злой, просто иначе умер бы сам.

– Я немного знаю иную магию – народа гномов. И отпела его старые долги. Он начнет выздоравливать, еще немного – и зашевелится, попробует капризничать. Может, мы его бросим и пойдем сами, а то объяснять каждому про эльфов – дурное дело. Не все смогут поверить и понять, как ты. Повезло мне!

– Не все смогут понять, – кивнул Гэхир. – И точно – не маги. Вы будете в большой беде. Вы – источник жизни и силы. Я оставлю ему послание. Укажу: нас спас неизвестный маг и велел возвращаться, заверив, что он сам дойдет к западным мудрецам и вызовет помощь. Так я напишу. И что в счет оплаты долга за спасение принадлежу новому хозяину. В это легко поверить. Но медлить и возвращаться нельзя, беда двигается достаточно быстро.

– Вечером я сообщу в долину, я могу нашептать для нашей мудрой, для Эриль. Они будут знать о беде и ждать... недолго. Потом пойдут выяснять, что я тут натворила. В общем, мы быстро глянем, что и как. Далеко эта ваша беда?

Гэхир пожал плечами и стал рассказывать.

Все началось давно, как полагали его прежний хозяин и остальные маги, желавшие позвать помощь с запада.

Легенда утверждает, что один из заклинателей удачно исполнил просьбу самого султана, пожелавшего на день рождения сына, в разгар сухого сезона, увидеть семь радуг. В награду был приглашен во дворец, где и остался, прижился.

Он получил высокий сан – Исполнителя желаний повелителя. И сам не знал отказа ни в чем. В ученики маг охотно взял сына султана. Прожил он дольше иных, силой обладал немалой и был сверх того изобретателен. Не вызывает особого удивления то, что стареющий покровитель заклинателя тоже пожелал продлить свой век. Но пить рабов султан не мог – не обладал и малой толикой дара магии. Для него, как утверждает легенда, Исполнитель желаний и создал фонтан юности. Вечером у воды навсегда засыпали рабы. А утром старый повелитель купался в целительных свежих струях, впитавших силу загубленных жизней, и молодец. Однажды он не дотянул до рассвета, и на парчовый ковер власти сел утомленный ожиданием немолодой уже сын, соединив магию и земную власть. Он мог пить рабов, но по-прежнему кормил их молодостью фонтан. И полагал, что так создаст настоящую живую воду, дарующую бессмертие. Так продолжалось год за годом.

Со временем придворные стали замечать, что у фонтана трудно дышать. А еще – что он смотрит на окружающих и даже разговаривает. Подходить к старому залу Исполнения желаний теперь никто не решался. Зато повелитель радовался – его дело близко к успеху!

До которого маг не дожил. Он умер внезапно, и многие услышали в ту ночь, как фонтан журчал и звал, даже пел. Звуки ползли по полу и стенам, как невнятный шелест, и получили название «Темного шепота».

Наследник преступного мага настоящего таланта не имел, но даже его способностей хватило, чтобы оценить смертоносность силы фонтана, убраться – и закрыть к нему доступ. Султан пробовал звать магов и очищать дворец от шепота смерти. Некоторое время казалось – удалось. Но однажды утром у фонтана нашли нескольких слуг, мертвых. На их лицах навсегда отпечатались улыбки безоблачного, полнейшего счастья. И шепот стал громче.

Теперь уже никто не сомневался – фонтан сам звал и манил. Скоро голос его стал разборчив: он обещал исполнение желаний и радость, в сравнении с которой сама жизнь ничтожна. Внук султана-мага засыпал фонтан песком, покинул дворец и закрыл все входы в него. Положился на силу пустыни, способной все стереть из памяти, обратить в песок.

Гэхир смолк, и Лэйли поежилась. История звучала слишком мрачно.

- Что же стало? Затих фонтан?

- Да, и маги говорят, что он пуст. Но началось иное, более страшное. Недавно, не более пяти лет назад. По селениям Дэйгэ теперь ходит человек, он исполняет желания. Два - бесплатно, а третье...

- То есть мрете, как мухи, - вздохнула Лэйли. - И никто не отказывается от желаний, даже когда в оплату берут жизнь?

- Ты считаешь, я - живу?

Гэхир усмехнулся. Надо же, странная манера хозяйки общаться с ним, как с равным, привела к недопустимому. Он признал тягость служения. И позволил себе оглянуться назад...

Он отлично помнил тот день! Долину у кромки пустыни накрыла затяжная засуха, надежд пережить ее оставалось все меньше, и старики позвали мага Фэриза. Уже к вечеру первого дня усердного заклинания пошел дождь. Дети радовались, да и взрослые смотрели на сухие поля, пестрые от первых огромных тяжелых капель, с надеждой.

Вода - это жизнь, на краю пустыни никто не думает иначе. И платят за выживание не торгуясь. Утром маг уже сидел на самом богатом ковре, расстеленном на высоком помосте под пологом, дарующим тень. А мужчины селения, все, от пятнадцати лет и до сорока, проходили перед помостом. Фэриз выбирал. Как? Этого не знает никто, кроме самих магов и их рабов. Позже Гэхир понял: здоровье, сила и молодость - вот и весь секрет. Потому маг сразу отметил его: еще бы, воин. Он в селение пришел недавно. Отец служил султану и учил лучших бойцов. Потом кто-то очень усердный и опытный в делах дворца сказал повелителю, что старый мастер уделяет сыну куда больше времени, чем прочим ученикам. И ему, Гэхиру, пришлось уйти из дома, чтобы весь род - особенно сестры и мама - смог жить спокойно. Повелитель остался доволен решением преданного слуги, вот только с собой не разрешил взять даже сухой лепешки. Наемничать воин не пожелал. Он нашел себе тихую и вполне мирную долю в далеком селении. Женился, и никто не попрекнул, что беден и безроден - сами к нищете привыкли, высохшие и худые, черные от непосильной работы. Старый Ошри и его дочь знали: крепкие умелые руки и желание работать - тоже

немалое достояние.

Казалось, худшее позади. Но, увы, через два года пришел маг, указал на Гэхира, и снова от жизни не осталось ничего, даже отчетливых воспоминаний о близких.

Зато он помнил тот день.

Как радовалось селение – отдали пришлого, вдвойне не жаль такого. Как маг прошептал невнятные слова, тронул затылок, и под его пальцами осталась обожженная кожа, хранящая клеймо. Гэхира воспитывали воином – в уважении к закону и в послушании. И он смирился: жене посвященного магу выделяют лучшие земли. Ей будет не так плохо, как в засуху. А уходящему рабу следует делать необходимое, чтобы дожди не покинули его дом. Но осознание правоты селения, оплатившего дождь, не дарило покоя и не унимало боль души. Жене, он помнил, не позволили плакать и провожать, ведь это честь – отдать родича в услужение магу. И стать вдовой при живом муже...

Забывать он стал позже.

С того вечера, когда хозяин первый раз позвал его в свой шатер. У заклинателя сидел гость, тоже маг, достаточно пожилой. Фэриз восседал на помосте, как обычно, а раб вполз на коленях и согнулся в учтивом поклоне, припал лбом к полу. Хозяин указал на ничтожного гостя и спокойно сказал: «Воин, еще не проводник. Силен, нет и двадцати пяти, полон жизни. Первый вечер отдаю, ты гость, и ты устал. Подкрепись».

Гость довольно рассмеялся, велел лечь на спину и говорить. О жене, о доме, о прошлом. А сам напряженной сухой старой рукой, которая казалась когтистой лапой, впился под ребра и мял живот, словно хотел прорвать кожу и добраться до печени. Под его острыми ногтями ядом разливался мучительный холод. Но еще хуже и страшнее было иное. Сказанное уходило и уже не возвращалось. Гость спрашивал, какое было у жены лицо, как ее звали, что готовила по праздникам? Гэхир помнил вопросы, а ответы – забыл. Его унесли из шатра, и безмерная слабость несколько дней не позволяла встать на ноги. Какое там, головы поднять не удавалось! Именно с тех пор он не был полон жизнью, как отметил хозяин. Молодость отшатнулась, испугавшись когтистой жадной лапы гостя. Пришлось привыкать к одышке после бега, к боли в спине, к бессоннице.

Потом его много раз пил хозяин, и новые вопросы тоже остались в памяти вместо ответов. Где он жил, как зовется селение, сын у него родился или дочь...

– Ничего не помнишь? – охнула Лэйли. – И из-за этого уroda ты собирался умирать в песках? Да еще и сам себе казни придумывал... не понимаю.

– Чем дольше мы служим, тем больше к этому привыкаем, – вздохнул Гэхир. – Собственное прошлое пустеет. Дела хозяина кажутся все более значимыми. Ты мне вернула часть прошлого. Я снова помню родителей, пусть невнятно, но хоть так.

– Сколько лет ты ему отдал?

– Кажется, шесть. Я полагаю, мне теперь двадцать восемь.

– Кажется! Все у вас невнятно! Где искать порождение фонтана?

– Маги говорили, у них не хватает сил разобрать Темный шепот и определить источник его. Звучит шепот в Дэйгэ каждую ночь. Можно попытаться проследить, иных путей поиска не ведаю.

– Все равно ничего не понимаю! Если этот тип – зло, почему тот, с ятаганом, сказал, что повелитель занимает высокое место при новой власти? В столице ваш смертоносный «желальщик» появлялся?

– Ни разу.

– Для начала пойдем туда. Ведь это странно – столько людей в одном месте, а ему нет до них дела. Зато повелителю вашему до тебя и этого твоего бывшего хозяина – есть.

Глава 3

Странствие Драконэль, матери песчаных ящеров

Риола-а-Тэи, средняя дочь короля эльфов, покинула долину Рэлло, не таясь и не прячась. Она знала: закон требует присутствия в столице правителя или его преемников. И последние – на месте, в трактире.

Не повезло старшей дочери, она вообще слишком эльф – сестричка Ольви. Добрейшая, мягкая, словно из маминого характера взяла лишь домовитость и неумение зло сердиться. В общем-то очевидно, Ольви сбежать и не пыталась, это так на нее похоже. Встала утром и взялась за пирог – она с вечера собиралась печь что-то умопомрачительно вкусное. Помнится, кошечка Ли даже загрустила. Как говорит о младшей мама: «Сметану любит, а про коров и слышать не желает». Риола рассмеялась. Интересно, каков был бы вкус пирога, испеченного Лэйли? И кто способен так задеть малышку, чтобы она взялась выхаживать тесто? Тайна, пока не раскрытая никем.

Зато Ольви печет за всех нерадивых детей королевского рода а-Тэи. Ей очень нравится, что у правителя эльфов не дворец, как у всех глупых ленивых королей, а трактир. Туда зовут не всех, и соседи знают: пока принимают в недостроенных залах замка – вы гость. Но если ведьма Сэльви позвала на ужин домой – уже друг. Дружить с королем эльфов выгодно, это льстит самолюбию и дарует привилегии. Все, кто думает именно так, дальше дворца не продвигаются. Мама молодец, она сразу видит, что у человека за словами спрятано. Ольви тоже видит, но сказать стесняется. Каково ей, бедняжке, сидеть в алмазном венце и переживать за всех и каждого? Риола даже споткнулась. Неловко бросать сестру наедине с послами. Внук королевы Гхросса, великолепной Роны Гррхон, – толковый гном, но куда ему до бабушки!

Принцесса сердито поправила накидку и пошла быстрее. Она ведь скоро вернется, тогда и поможет сестре. Даже тесто месить, вот до чего разбирает жалость! Но – попозже. Пока подгорное величество король Гхросса в отъезде, самое время воспользоваться его тоннелем для большого дела. А потом, если что, извиниться. Еще до папиного возвращения, чтобы не пришлось опять старшим за детей отвечать. Ее замысел – не шалость. Тянуть никак нельзя. Мать ящеров долины Лирро, бесподобная Драконэль, очень стара.

Силы ее не покинули, нет.

Но если не провести Драконэль через именуемый Садам гостей подгорный проход в ближайшие годы – она просто застрянет в тоннеле! Даже теперь будет трудно. Риола свернула накидку и, махнув рукой на приличия, припустила бегом. Если эльф спешит, он может одолеть дорогу от долины Рэлло до северного края вечных, Лирро, через тоннель Гхросса в десять дней – так сказал братец Лильор. Насмешник! За ним способна угнаться только Кошка Ли, вот уродились бешеные... Но если постараться, то в две недели и она, не любительница тренировок следопытов, одолеет гномий тракт до гор.

Строительство дорог – это отдельное, новое и очень прибыльное дело подгорников. Соглашаясь принять тракт в оплату переданных гномам приграничных гор, король Ронига, страны людей, не понимал своей выгоды и наполовину. Тогда и сами гномы не знали, что предлагают. Они учились.

Первый участок переключивали раз десять, вызывая бурное недоумение людей. Ведь, по их мнению, было отлично и с первой попытки. Что не так? Ах раскиснет за какие-то жалкие полвека... Второй раз гномов не устроила ровность. Третий раз – форма покровных плит. И так далее. Тридцать лет они стучали и шумели, ругались, спорили, ломали, перепроверяли. Снова и снова ревели низким басом лучшие знахари.

Потом дорогу открыли, и был скромный праздник. По слухам, все гости – даже из числа людей – уползли по домам в сознании. То есть и не гуляли толком...

Бесподобный первый король новой страны гномов – подгорного Иллора – любил дорогу, даже включил ее символ в герб своей страны. Подданные удивились, но тому королю они бы и не такое простили. Рртых полагал, что умение строить дороги – это его самый большой вклад в копилку знаний рода.

Риола побежала по боковой тропинке из светлых плиток, которую создали специально для торопливых эльфов. Она, родившаяся третьей в семье короля, после Лильора и Ольви, помнила стройку. И короля Рртыха помнила. Его невозможно забыть, как невозможно думать о нем в прошедшем времени. Любой гном – это кипение труда, непрерывное действие. Рртых за одну жизнь создал целую страну – Илмор – и, более того, изменил миропорядок гномов. Прежде они презрительно звали жителей поверхности вершинниками и носа не казали из своих пещер. Недолюбливали магов, ссорились с людьми из-за пустяков – просто от непонимания, отсутствия общности. Теперь все иначе. Дети гномов воспитываются, по большей части, в двух долинах эльфов, охотно учат

основы магии, приобретают полезный загар и все поголовно начинают знакомство с ремеслами с кузнечного дела. Гном кует сталь, именно она создает гнома – так сказал Рртых, и это нерушимый закон, благодаря которому избыто презрение к «дурным» ремеслам и достигнуто равное уважение для торговцев и рудокопов. Конечно, если те и иные – настоящие гномы: трудолюбивые, лучшие в ремесле, не испорченные жадностью, гостеприимные, чтущие заветы гор...

Когда рыжего гнома не стало, Орильр-а-Тэи сказал: эльфы взрослеют по-настоящему, только потеряв и пережив утрату. Это правда. Уже два десятка лет они, дети королевского рода а-Тэи, не шалят, как прежде. Даже Кошка Ли угомонилась. И пусть кому-то другому рассказывает, что мечтала попасть на восток всю свою жизнь! Просто двадцать лет младшая из принцесс не желает слышать о визитах в любые земли, через которые проложены гномьи дороги. Ей до сих пор больно. А в пустыне каменных троп нет. Пусть отдохнет, глядишь, найдет в себе силы и примет невозвратность. Таков удел эльфа...

Зато Дорога покойного Рртыха, третьего носителя этого великого имени в королевском роду подгорников, воплощенная в гербе Иллора, сегодня в точности такова, как в день открытия. Ни выбоинки, ни скола. Рртых говорил: «Она есть знак нашей готовности искать общий путь с иными расами, и мостить этот путь наилучшими плитами, бесшовно». Так и есть, и гномы ухаживают за дорогой. Зимой вычищают до последней снежинки, посыпают толченым гранитом. Они не любят глупостей вроде гололеда.

На какие только хитрости не пускались соседи королевства Рониг, чтобы уговорить гномов повторить свой «дорожный» подвиг! Причем бесплатно – ведь однажды это удалось! Но стальные упрямы стояли на своем. То есть на заявленной в тот же самый день открытия цене за версту, обозначенной в красном золоте. Люди упирались, по их представлениям, очень долго – полвека. Пробовали строить своими силами...

Говорят, новый король Иллора, внук Рртыха, готов снизить цену. У него образовалась весьма неожиданная головная боль: куда девать золото? В стране и так имеется богатейший рудник, закрытый за ненадобностью, а тут новая напасть – кладовые переполнены. Еще бы: строится широкий, в два рукава, торговый тракт через весь известный гномам обжитой мир, с севера на юг – от Леснии до самого моря. Очень длинный, но гномы работу любят.

Риола бежала, смотрела по сторонам и вспоминала. Может, потому в две недели девушка и не уложилась, расплатиться за право входа в тоннель удалось только на шестнадцатый день от побега. Одно радовало: ей нужен не длинный старый Сад гостей, превращенный в сплошной торговый город. А новый, короткий тоннель, выводящий напрямиком на юг второй долины эльфов, Лирро. Неполные два дня в подгорье – и вот он, застывший по воле архитектора одинокий бархан у древнего дворца.

Крошечный кусочек южной пустыни, вписанный в северный лесистый рельеф. Забавное место. Каждую осень здесь, в старом дворце, шумят балы прощания с летом. А все остальное время в округе живут тихо. Тут осело немало пожилых гномов, выбравшихся из своих пещер погреть на солнышке старые кости. К двумстам годам подгорники неизбежно становятся богаты, чуть подслеповаты и даже, как они сами утверждают, ленивы. То есть работают какие-то жалкие десять часов в сутки и, хуже того, привыкают устраивать дни отдыха раз в месяц. От кузнечного дела в большинстве отходят, сила уже не та. И занимаются мелким промыслом – для души. Точат статуэтки, шлифуют алмазы, чеканят узор по серебряной посуде. Не на продажу, для друзей. То, что создают пожилые гномы, продавать никто не соглашается. Старики обладают удивительным мастерством и трудятся неспешно, вкладывая всю душу в дело. Вещицы получаются – волшебные, в самом замечательном смысле слова. Теплые, родные, памятные.

А разочарованных торговцев, пытающихся прорваться и выкупить у гномов хоть что-то наихудшее и неудачное, целыми стаями ловят в окрестных лесах эльфийские следопыты. Стыдят, штрафуют, самых злостных сдают соседям, гномьим стражам границы – норникам. Подгорники очень уважают своих стариков и нещадно карают жадных надоед, пытающихся отнять время у любимых дедушек и бабушек. То есть отсылают торговцев в угольные шахты на пару недель или даже на целый месяц. Обычно этого людям хватает с лихвой...

Не могут заботливые внуки уgomонить одну лишь напасть – великую мать ящеров Драконэль, в которой теперь двадцать две сажени от носа до кончика хвоста. Время от времени той кажется, что выстроенные гномами низенькие дома излишне плотно окружают ее бархан.

Королева Сэльви лет сто назад побеседовала с ящерицей. Риола гордо улыбнулась: мама умеет объяснять важное даже таким огромным

и независимым от мира эльфов существам – и мирно договариваться. Драконэль больше не обижает живых соседей. Но иногда приходит, долго смотрит своим неподвижным тяжелым взглядом на огни в окошках. И, выбрав самый подозрительный, спускается в долинку. Подходит, шипит предупредительно и ждет, пока отлично знакомые с сигналом жители покинут постройку. Затем упирается в нее мордой и начинает двигать.

Как шутят эльфы Лирро, гномы умеют строить, а Драконэль научилась их «расстраивать». Обычно ящерица на несколько лет успокаивается, снеся один-два дома. Гномы привыкли и не сердятся на нее. Даже уважают по-своему, они умеют ценить настоящее упорство. И, надо признать, Драконэль в чем-то права. Гномьи бабушки и дедушки давно взирают на ее пески с жадностью, оценивая их выше золота. Вот бы внучатам радость была – такая громадная песочница! Между собой, в разговоре, гномы иначе и не именуют бархан – только «Песочница», и всегда с большой буквы, важно, многозначительно.

Риола выбралась из тоннеля под вечер. Вежливо поблагодарила гнома-норника, дежурившего у ворот в Лирро. Рослый для подгорника часовой бодро поздравил с прибытием домой, сразу опознал эльфа и не взял второй части платы – это условие использования общего тоннеля.

Разговорился, спросил про осенние балы и уточнил, не встречала ли она на Дороге – а гномы именуют дело Рртыха так, с большой буквы, и без пояснений – короля Гхросса со свитой. Уже добрался в Рэлло? Ну молодец, гному не пристало ковылять вполсилы! Риола тоже осторожно поинтересовалась, не будет ли занят тоннель караванами в ближайшую неделю? Норник задумался, обстоятельно перебрал важных купцов, пользующихся проходом регулярно. Пожал плечами, отметил – не сезон, ярмарки будут позже, а весенние дела закончены. Получасом позже принцесса уверенно кивнула и снова поблагодарила гнома. Дорога свободна!

В гномий поселок Риола добралась к ночи. То есть как раз вовремя, чтобы увидеть очередную попытку Драконэль отодвинуть гномов.

Пожилой мастер – то есть управляющий, если на человеческий лад, – Зеленого города страны Гхросс, ныне переименованного в Малахитовый узор, стоял в паре саженой от морды старой ящерицы, мужественно загораживая ей дорогу к стене. И шумел, перекрывая возмущенное шипение:

– Совести у тебя нет! Третий раз меня сносишь! Ну ладно, я не в обиде, только дом толкай, а мастерскую мою не тронь! Вон правее прими и упирайся, раз бессонница донимает.

Драконэль зашипела еще более ядовито и щелкнула хвостом, демонстрируя серьезность намерений. Гул прокатился по земле, попавшая под удар небольшая ель, высаженная лет сорок назад, охнула и легла, вывернув плоский круг корней. Жена мастера выбежала из дома, задыхаясь от поспешности, и с надрывным «о-о-ох» выволокла пару крупных копченых поросят. Ящерица прекратила дергать хвостом и сочла переговоры успешными, а доводы страдающей стороны – вескими и вкусными. Длинный язык, у основания почти в тело гнома толщиной, вытянулся и обмотал трижды первого поросенка. Полуминутой позже Драконэль отправила в широкую пасть и второго. Проглотила, задумчиво прикрыла глаза и замерла. Вздохнула и переступила лапами, нацеливая морду в стену дома.

Мастер заулыбался с явным облегчением. Осмотрелся, заметил Риолу.

– Добрый вечер, родная. Заходи, видишь, отстоял я мастерскую. Ты как, по делам или в гости?

– По делам, дядюшка Моффр. – Девушка поклонилась и прошла в дверь, следом юркнул хозяин. – Как раз к вам. Насчет Песочницы.

– Неужто? – всплеснул руками гном и бухнул большой медный чайник прямо в угли рабочего горна. – А соседку мою куда? Она хоть и шумновата, а гномам родня по упорству-то. Вишь, копчения наши ей по вкусу пришлись, вот и норовит выпросить, что ни год. Я тоже полагаю, хозяйка моя лучше всех свининку-то делает. Перец пяти сортов, вино для маринада – исключительно имперское, наилучшее, из имения Гистер, оно в тридцать золотых за бутылку ныне идет. А еще травы восточные, сеструха твоя нам присоветовала кое-чего весьма удачно, спасибо ей. Непростой рецепт. И знаешь, как не угощу ящерку к сроку, так и бредет, сердешная, шипит, ломает. Намекает, что соседей обижать негоже.

– Ящеров я собираюсь вывести через тоннель в Рэлло, на юг. Там они будут счастливы, там их исконный дом. Но, увы, в древнюю войну все родичи Драконэль вымерли. И пустыня – действительно пуста.

– Ага, понятно, – кивнул Моффр. – Завтра за день всех ящерок-то соберешь, их тут как-никак двадцать душ?

– Соберу.

– Тогда хозяйничай сама. Я побежал, надо тоннели перекрыть заранее. Король наш вроде в отъезде? А то молод он, в дела только входит, пока все обскажешь да уломаешь – язык замозолишь.

– Именно в отъезде.

– Вот и ладно, без него я внуков да иную родню к делу налажу. Будет тебе свободный коридор, пусть купцы хоть лопнут от злости. И наши, и человечьи.

Беды рода Драконэль давно беспокоили Риолу.

Великие ящеры могучи, живут почти вечно и не знают соперников – кроме магов и людей, само собой. Но север губит их. Ящеры очень редко создают кладки – всего-то из пары яиц, усердно закапываемых в песок на южном склоне, оберегаемых всей группой. И гибнущих раз за разом от недостатка тепла.

Поэтому младшему из подданных Драконэль – уже за двести. Тогда был очень жаркий год. И он успел, вылупился и окреп, перенес первую зиму. Именно морозы – второй ужасающий враг ящеров. Холода отнимают подвижность и сковывают тело сном. В заповедных лесах южного Лирро есть волки, здесь водится крупный черный медведь и гуляет рысь. Каждый для взрослого ящера не опасен. Но зимой, когда самые могучие броненосцы племени Драконэль не могут и шевельнуться, когда спят, по возможности зарывшись в песок... тогда все решают толщина и прочность чешуи.

Двух молодых ящериц буквально съели сто семьдесят лет назад. Весной Драконэль стонала и шипела, руша ни в чем не повинных гномов, только-только

начавших строить свои первые дома. Те молчали и вздыхали сочувственно. Еще бы, такое горе – убыль в семье!

Принцессу эльфов ящерица знала давно и хорошо. Уважала, даже по-своему любила. Она приняла из молодых вечных лишь Сэльви, которой, наверное, вообще отказать невозможно, да и ее дочь Риолу. Потому что ощущала в них и настоящее уважение к роду древних ящеров, и то, иное, – равенство. Она мать рода. И королева эльфов – тоже мать своего рода, как можно не принять и не осознать этого? И как можно обижать глупого, мелкого, но доброго детеныша матери?

– Нэль, мы пойдем на юг, домой, – сказала Риола, вплотную подходя к большой ящерице. – Там тепло, твои дети будут выживать. Там нет длительной ледяной зимы, понимаешь? Но сперва надо миновать глубокую опасную нору. Я пойду с тобой, мы справимся. И Моффри пойдет. Собирай свой народ.

Драконэль прикрыла глаза и надолго замерла. Когда-то давно королева обещала не трогать ящеров. Теперь ее дочь твердит на своем невнятном языке о солнце и тепле. Королева не обманула. А тепло требуется куда сильнее, чем покой. Ящерица тихонько свистнула, и ее племя стало сползаться со всех сторон на восточный склон бархана. Двадцать великанов – самый молодой более пяти сажений в длину – по команде вытянулись в цепочку, последней пристроилась старшая дочь, уступающая матери всего-то тройку сажений в размере.

До входа в подгорный мир ящеры шли два дня, почти безостановочно. Деятельный Моффри завалил несколько полян кормом, заботясь о пропитании племени. Он отлично знал – ящеры всеядны, охотно кушают зелень. Но иногда и им хочется разнообразия – например, копченой свининки.

Сытые и вполне довольные странным и непривычным походом, ящеры добрались до ворот Гхросса. Тоннель привел Драконэль в смятение. Черный, бессветный и холодный, словно в нем живет зима – самый злой враг ее рода. Весь день Риола говорила и убеждала, напевала заклинания покоя. Мать слушала и недоверчиво шипела, оббивая хвостом кору и ветки с могучей старой сосны.

Ночь добавила ей решительности, почти сровняв мрак и холод двух миров, привычного и того, шумящего эхом голосов – в норе. Драконэль тяжело вздохнула и недоверчиво сунула голову в зев ворот. Легла на брюхо и поползла, жалобно посвистывая. Стара она для таких затей! Но если там тепло? Если действительно там – жизнь? Эльфы не обманывали никогда, а последние десятилетия охраняли от диких зверей в зиму. Да и гномы – не враги, охотно делятся вкусным.

Моффр нервно выдохнул и стал смотреть, как скрывается хвост матери ящеров, как два самых мелких и любопытных отпрыска разом нырнули в щель, и за ними пошли остальные. Уже перед рассветом горы поглотили последний хвост. И старый мастер двинулся следом. Он уже выслал родню, потребовал обеспечить ящеров кормом и в Гхроссе, и на Дороге, проложенной через Рониг. Тысяча с лишним верст! «Только эльфа могла додуматься так далеко утащить зверушек ради их же блага», – уважительно прикинул Моффр. Не просто додуматься, но и убедить упрямую старую ящерицу!

Худшим местом в подгорном мире оказался поворот тоннеля у слияния его со старым Садам гостей. Драконэль стонала и скребла лапами, ей было узко и неуютно. Гномы торопливо и без сожаления срубали острые уступы настенных украшений, убрали скамейки харчевен и уносили боковые прилавки первых торговых рядов. Ящерица с интересом смотрела на усердие мелкого народа и понемногу успокаивалась. Семь мучительно долгих дней она ползла под горами. Семь дней не видела обожаемого солнца и не знала, целы ли дети, оставшиеся без помощи в жерле тоннеля, позади.

Заметив и опознав теплый золотой свет далеко впереди, Драконэль отчаянно рванулась к нему, как умеют только огромные ящеры Рэлло. Она выпрыгнула на волю в облаке пыли и каменного крошева и засвистела, радуясь долгожданной победе. Втянула носом воздух, удивленно рассмотрела уходящую вниз тропу. Маленькая дочь матери эльфов говорила, что новый дом очень далеко. Но теперь будет проще, предстоит двигаться по поверхности и идти только к теплу, к солнцу. Простой прямой дорогой, где есть еда.

Драконэль довольно прикрыла веки. Когда живешь так долго, особенно приятно не быть обманутой и осознать еще раз свою мудрость. Однажды она сохранила жизнь старому приятелю-эльфу, когда его подстерегла беда – злые сородичи гнали больного, как дичь, – и теперь добро возвращается.

Мать ступила на плиты Дороги и уверенно пошла по ним, не пытаясь свернуть в сторону, не отвлекаясь на изучение окрестностей – все равно тут нет песка для кладки! Она ловко обвила языком Риолу и забросила себе на спину. Катать друзей – приятно. Это очень старая и совсем забытая забава.

Десять дней спустя ящеры вступили в обжитые земли Ронига. И это была процессия, достойная королевы ящеров! Норники шли впереди и по бокам – четыре отборных десятка. Гномы следили, чтобы зеваки не донимали мать ящеров. Своевременно убрали с дороги возы и кареты. И крестьяне уступали путь столь же охотно, как самая высокородная знать: вид королевы ящеров потрясал воображение. Огромная, гордая, неторопливая и неумолимая. Дети двигались следом, выстроившись в цепочку. Самцы расправили свои великолепные воротники из цветных костяных пластин, радуясь жаркому солнцу и простору. Если бы барханов было хотя бы два, старшая дочь великой матери давно жила бы своей семьей. А они, младшие из взрослых, устраивали бои за право сопровождать ее.

От кормежки к кормежке, безостановочно, ящеры уходили все дальше на юго-восток по теплым плитам Дороги гномов.

Два месяца труда и непрестанного удивления огромности и красоте незнакомого мира. Они сошли с Дороги в полусотне верст от границы Рэлло и двинулись на юг проселками. К реке, вдоль которой можно спуститься к огромному пресному озеру, ограничивающему владения эльфов с юга. Все дальше и дальше, вычерчивая следы шипастыми хвостами.

Пока наконец однажды, тихим утром, когда солнышко только прогревает шкуру и наполняет тело жизнью, Драконэль не увидела свой новый, а точнее, давно покинутый древний и исконный край. Счастье наполнило ее душу. Там, за неширокой полоской воды, начинались пески. Сперва вкусные – покрытые зеленью, а потом и самые важные – барханы. Настоящие, живые и горячие!

Мать перевела племя через речушку и величественно зашагала к новому дому. Просторному и жаркому – настоящему.

Риола стояла на холме и всхлипывала. Моффр сморкался в огромный платок, время от времени смущенно намекая на насморк и стесняясь сентиментальности. А потом рассмеялся.

– Знаешь, родная, теперь ни один скотокрад не беспокоит Рониг! Твоя мама Сэльви не учила нашу огромную упрямицу беречь скотокрадов, они вкусные... а про коров да баранов ты ей расскажи толком, чтоб бед не приключилось.

– Уже сказала.

– Вот и ладно. Пошли, доведу и тебя до дома, чтоб в покое двигаться к Гхроссу. Эх, хороша у нас будет Песочница! А ящеров я навещу, как жена к зиме новых копчений наделает.

– Это правильно.

– Ну идем, не время бездельничать попусту. Наши гномы вроде войну затевают, тебе надо бы сестре помогать, трудно ей одной, без мамки с папой, образумить буянов. Да и сеструха твоя на востоке что-то затеяла, слухи ползут... Я раньше-то и говорить не хотел, дело нельзя бросить.

– Войну? – испуганно охнула Риола и отвернулась от песков. – Тогда я уж одна, бегом, дядюшка Моффр. Я быстрая.

Глава 4

Лэйли: У людей нет истины, их правда – многолика

Лэйли-а-Тэи знала, что общаться с теми, кто далеко, достаточно трудно. Этому самых одаренных учат долгие десятилетия. И всегда – вышедших успешно из четвертого круга, совсем взрослых, обычно отметивших десятивековой юбилей. Но Лэйли с младенчества была талантлива и упряма. Она дочь ведьмы и освоила свои способы, не одобряемые эльфами, но вполне результативные. Сплести полноценное заклинание не получится? Но использовать узкую тропинку, ведущую к общению по границе сна... а потом понадеяться на чужие полноценные способности дальнего общения.

Глава Совета мудрых долины Рэлло, Эриль, появилась перед внутренним взором принцессы хмурая, если не сказать сердитая. А кому приятно ощущать, как подаренный перстенок-змейка кусает палец, бесцеремонно погружая в нелепое подобие обморока?

– Почему у короля не родилось шесть сыновей? – вздохнула мудрая. – Все лучше, чем такие нахальные ведьмы! Ты сбежала, уже знаю. Давно. Что дальше? И не морщи нос, я не хочу слушать безобразную мешанину из слов, пересыпанных маминым любимым «того».

– Так и правда – того, – вздохнула Лэйли. – Я не про то даже, что вообще плохо – рабы, людишки мерзкие и пустыня. Дело в ином. У них есть маги, пьющие жизнь для восполнения сил. И еще есть...

Она рассказывала долго. Сначала нервно и сбивчиво, перескакивая с событий на впечатления. Постепенно успокоилась, речь ее стала плавной и внятной. Эриль слушала молча, ее голубые глаза приметно потемнели. Обычно это означало внимание и беспокойство. Когда принцесса закончила излагать события и снабжать их своими многочисленными и не всегда здоровыми догадками и идеями, мудрая кивнула.

И стала говорить. Медленно, задумчиво, почти нехотя.

Триста сорок лет назад, когда эльфы еще жили только в долине Лирро и страдали под властью иного короля, а сама Эриль далеко на юге учила магов-людей, у нее были воспитанники с востока, целая дюжина, и их собирались выгнать с восьмого года обучения. Не просто выгнать, но стереть память. Такое наказание применяется редко. Крайне редко. Эти люди учили не боевую магию, а целительство и заклинание погоды. Может, потому к ним и не приглядывались тщательно, не заметили беду раньше. Эриль в первую очередь оценивала душу тех, кто обретал знания причинения смерти, – они особенно опасны для своих же сородичей. Эльфы не позволяют ученикам быть безмерно корыстными, не допуская к совершенствованию в магии склонных к холодной расчетливости без намека на доброту или верность присяге. А восточные маги как раз полагали, что добытое у эльфов знание удастся обратить в золото и власть.

Стерли троих, остальные успели бежать. Тогда не было ни сил, ни возможности преследовать бывших учеников. К тому же заклятий боя маги не учили... Про отступников со временем забыли.

Эриль вздохнула и виновато глянула на Лэйли. Признала с огорчением – напрасно забыли. Беглецы, теперь это очевидно, не утратили магию, а дикости к ней примешали столько, что слушать страшно. И самое неприятное – у нее, мудрой, нет уверенности в том, что хозяин Гэхира шел в Рэлло именно за помощью, а не затевал новый обман. Бывший раб прав: эльфы для обратившихся ко злу заклинателей – богатейший источник жизненной и магической силы.

Возникают очень неприятные мысли: кому и зачем мог понадобиться такой источник?

– Одним словом, пойди и глянь, – нехотя разрешила Эриль. – Заклинать не смей! Если станет худо, пользуйся своими способностями ведьмы и гномьим знахарством, их не знают и не отследят... наверное. В местную жизнь не вмешивайся. Если до зимы не подашь о себе вестей, мы будем полагать, что дело у тебя совсем плохо. И станем спешно собирать тебе в помощь кого следует.

– Эри, ну я же понимаю, я буду осторожна и вообще – умница.

– Верится с трудом. Просто пожалей старую Эри и свою маму тоже. Как мы будем жить, если ты пострадаешь?

– Честное ведьминское, я прямо ни-ни, тише тихого. Я даже Лилю обещала.

– Он за мамой отправился, приглядеть и проводить?

– Да.

– Хоть один серьезный эльф среди вас. За него-то я спокойна, в глупости не полезет. Береги себя, котенок. И помни: твой спутник тебя не обманывает, как не будут обманывать и многие другие вполне нормальные люди. Просто он

говорит то, что считает правдой. А тебе следует увидеть, насколько оно – настоящее. Понимаешь? Люди такое иногда за словами прячут – диву даешься. Живут они мало, но и за одну жизнь успевают трижды, а то и чаще, вывернуть правду наизнанку и перекроить под свои интересы. И еще: любой маг людей слабее нас. Но это не должно тебя вводить в заблуждение. Твоей маме, тогда еще человеку, было шестнадцать, когда она умудрялась делать невозможное. И дурить голову папе, взрослому эльфу. Да и мне тоже.

- Мама – особый случай. Она...

- Я знаю много лучше тебя, кто она. Но имею в виду иное. Нелепый случай иногда помогает слабым обрести власть над сильными. И там, куда ты идешь, эту власть не собираются использовать во имя добра. Описанное тобою – шепот – очень похоже на частичный контроль. Они полагают, что нечто им подчиняется. А закончиться все может в любой момент, и страшно. Будь осмотрительна, не принимай чужих слов на веру. Если говорят черное – это не всегда зло.

- Знаю я твои поучения: «и необязательно добро». И про мамины добрые глаза темнее ночи – знаю. Я буду жутко осторожной и взрослой. Спокойной ночи.

- Теперь? – усмехнулась Эриль. – Котенок, да я вообще от твоих сообщений сон потеряю! Риола сбежала, Лоэль сгинул, все криво. Слово мало мне нашей бормотухи...

- Чего? – опешила Лэйли.

- У гномов пропало их новейшее изобретение, а я не в состоянии даже правильно его назвать! – пожаловалась Эриль. – Пока выучу слово, они войной уже пойдут. Куда, на кого – как раз сейчас решают. Ли, я потрясена: стоило королю сбежать, как наш покой рухнул в один день!

Вид ночной долины Рэлло за окнами спальни Эриль постепенно угас. Как и ее встревоженное бледное лицо. Лэйли еще успела заметить на небольшой подушечке в углу кровати рыжую гномью поисковую крысу – таких в доме Эриль держали с самого дня его постройки. Еще бы, гномы упорно числят мужа мудрой своим знахарем, прошедшим полное обучение. А еще – подгорным спасателем.

И, судя по всему, он очередной раз пропадает где-то в пещерах Иллора, добавляя жене беспокойства своим отсутствием. А рыжая крыса ловко бегают и передает сообщения для Лоэльви, сознавая на расстоянии, жива ли и насколько здорова ее сестра, состоящая на службе у мужа Эриль, работающая в шахтах вместе с ним.

По мнению Лэйли, переживать за Лоэльви его жене не стоило совершенно. Скорее гномы сами лягут до единого, чем позволят пострадать обожаемому знахарю, которого лично первый король Иллора, Рртых, назначил Становым, то есть главным, и даже, по сути, соправителем страны.

Лэйли зевнула, переходя из своей ведьминской полудремы в обычный сон. И всхлипнула: дядюшка Рртых был лучшим. Всегда.

Когда ей исполнилось десять, папа Орильр неосторожно рассказал сказку людей о бобовом ростке. Утром росток уже пер вверх, послушавшись детского восторженного шепота. Всего-то и хотелось понять: каковы плоды в громадном стручке? Вдруг долине одного боба на всю зиму для прокорма хватит? А вышло...

Эльфы хватались за головы, гномы хором ревели знахарские песни, случайно заглянувшее посольство людей радовалось ожившей небыли.

Рыжий Рртых нашел устроившую все это безобразию малявку на чердаке трактира короля эльфов. Гном первым догадался, что прятаться она побежит в самое надежное место, на мамину кровать. Там и откопал, перерыв все подушки. Усадил на колени, погладил своей похожей на лопату ладонью. И стал успокаивать.

«Подумаешь – росток-переросток! Избушку в небо унес! Экая беда», – басил Рртых. Усмехался: курица с плетня сразу спаслась, потому как умная. Домик не пострадал, его гномы строили, они плохо не делают. А дурень хозяин пусть орет, глотка будет здоровее. Уважающий себя гном не боится ни подгорных обвалов, ни высоты. Вот он спустится, и король Рртых его лично допросит. Почему впал в панику? Отчего выл, беспричинно перебудив столицу? Всякий гном имеет при себе кирку и веревку. Вот и спускался бы без суеты, как подобает солидному подгорнику, затем нашел Станового знахаря и сообщил о странном ростке без всяких завываний...

Лэйли в последний раз всхлипнула и неуверенно глянула вверх, в рыжую бороду. Гномий король, точно, улыбался, а совсем даже не сердился. Достал большой платок, сосредоточенно вытер последние слезинки, катившиеся по нежным щечкам.

– Ну, с сыростью покончила? Плотина надежная?

– Да. Ты, дядюшка, не сердись, я хотела как лучше. Чтоб вкусно и всем хватило бобов этих, ну... здоровенных.

– Не знаю, как бобов, а прочего и правда теперь в достатке. Что ж ты удумала, котенок, ведь испокон века заведено, что лишнего просить нельзя, раз нужды в пище нет. Больше не шали, не разобравшись. Договорились?

– Конечно.

– Ты, как взрослая девочка, сама пойдешь и извинишься перед этим остолопом, когда его снимут. И папе с мамой все объяснишь, должна понимать: натворила – отвечай. А то придумала завал из подушек строить! Что я тебе, «подушковый» спасатель, что ли? – Рртых улыбнулся и покрепче обнял серьезно кивнувшую Лэйли. – За что и люблю тебя: от вины не уворачиваешься и дважды одинаковых глупостей не делаешь. Ладно, сиди, я тебе настоящую историю расскажу, не сказочку бестолковую. Про Труженика поведаю и его огненные горны.

Слушать истории дядюшки Рртыха всегда было интересно. Его бог в рассказах получался очень живым и обстоятельным гномом. Лэйли полагала: он ничуть не отличался внешне от короля – такой же большой, широкий, работающий и рыжий, обязательно синеглазый и добрый. Если, само собой, не злить его, не лениться и не трусить.

Рртых в свою очередь полагал, что Творец, которого почитают эльфы, просто иной лик Труженика. Покровитель эльфов – изначальный создатель. А вот рыжий бог гномов не ушел делать другие миры, не стал подправлять лучи звездочкам и выбивать пыль из небесного бархата. Труженик накрепко привязан к миру Саймили. Именно он ковал его, лепил, обжигал в печи, месил и выхаживал,

как тесто, – что там вообще делают с миром? Вот все это – совершил он. Начал с пустого и неопределенного и постепенно отстроил Саймиль обстоятельно, крепко.

Королю гномов нравилось рассказывать истории самой непоседливой из дочерей Орильра. Она замирала и слушала, целиком, вся, отдаваясь повествованию. Охала, жмурила странные кошачьи глаза, повторяла сложные гномьи слова, стараясь запомнить все до единого.

Тот раз речь шла о помощниках Труженика, ведь не один он ковал Саймиль. Главным помощником в работе, по мнению гномов, был огонь.

Рртых выделял много видов пламени, но особо отметил в своем рассказе два: солнечное, дарующее свет миру Саймили, питающее всяческую зелень и даже огромные бобы, если их очень хотят увидеть наивные ведьмочки. Небесный огонь гномы именуют «вершинным горном». Пара ему – подгорное пламя, мирно греющее недра, плавящее руду. И даже временами разрушающее целые страны (если они неуютны плану Труженика), чтобы воздвигнуть новые горы. Оно – нижний горн, глубинный.

– Огонь – помощник Труженика и его кара для отступников, – серьезно говорил Рртых. – Душа горнов. Разрушение и созидание слиты в нем. Состоит огонь из отдельных малых лепестков. Когда-то в мире Саймили жили первые существа. Мы верим, что они пришли раньше эльфов, прежде всех нас. Духи огня помогали выстроить для нас этот дом.

– А потом? – запереживала Лэйли. – Нас не будут сносить? Или вешать на бобовый росток – так, для проверки прочности?

– Дык они ж постарше тебя, – обнадежил гном. – Поосмотрительнее. Если не вычудим вовсе чего гадкого, то не будут перестраивать. Опять же, заняты они, ушли далеко, работают на иных стройках. Может, где и спят их искры – сынки там, дочурки непутевые, вроде тебя. Этого гномы не знают. Мы полагаем, что лепестки огня в наших рабочих горнах – тоже дети тех духов. И оттого для гнома всякий огонь живой.

Лэйли вздохнула, завозилась. Во сне ей было очень уютно. Казалось, большие руки гнома и теперь обнимают, как тогда. Он долго рассказывал о горнах. И о детях изначального огня. Говорил, что из них могут вырасти любые создания, все зависит от душевной силы, питающей пламя. Создаются ведь, укрепляются огнем и самые тонкие фарфоровые кружева, и опасные демоны. Кружево творят обычные люди, без дара магии и знахарства. Своим умением видеть все красивое, а также добротой и усердием. И вторых – демонов – те же разумные обитатели Саймили создают. Хитрющие злодеи, желающие незаконно получить власть, подчиняющие огонь одному лишь разрушению. Исковерканные бездушной чернотой чужой воли помощники Труженика способны уничтожать его творение. И как далеко зайдут – одним богам ведомо...

Тут король заметил беспокойство в зеленых глазах Лэйли. Улыбнулся, показал свою широкую ладонь – сплошная мозоль, образовавшаяся от постоянной привычки полировать рукоять молота.

– Не переживай, мы с твоим папой славно таких вот испорченных злом обезвредили. Этими руками покарали. Р-раз, – он сжал кулак, – и вр-р-разумили. Ну мамка твоя тож молодец, побольше нашего. Мы только гасить пожар горазды, а она – к добру души поворачивать, новый свет в них зажигать. Потому и зовется она Сердцем эльфов. Она – ваш огонь, особенный, эльфийский. Пламя и свет добра. В тебе искорка тоже есть, я вижу. Ты шалишь не со зла. Накормить бобами хотела, занятное дело! Может, кому и пригодится потом, в иное время.

– Я буду крепко думать, прежде чем колдовать. Честное ведьминское.

– Вот и выковали мы верное решение. А теперь пошли, нас уже небось потеряли.

– Ты побудешь со мной, пока я буду извиняться?

– Куда ж я денусь, котенок! Я, клянусь кривой киркой, к вашему роду навсегда привязан. Первый Рртых в незапамятные времена стоял против зла с твоим папой, второй тож с Орильром был дружен. А я самый счастливый, я знаю всю семью короля. Идем, посажу тебя на плечо, и так ты сможешь говорить с папкой на равных, глаза в глаза.

Замечательный сон, из такого жаль уходить... Лэйли проснулась до зари и огорченно вздохнула. Горн Труженика скоро взойдет, а дядюшки Рртыха более нет в мире, озаренном его лучами. Как с таким смириться? Отец сказал, что гномы возрождаются. И подтвердил: бесподобный Рртых приходит в мир уже, по крайней мере, третий раз. Если она подождет, рыжий король еще появится, а уж спутать его ни с кем невозможно! Это хоть немного обнадеживало. А еще – солнце. Лэйли старалась не пропускать рассветов. Рыжий гном их очень любил, особенно в старости. Он говорил, что юность отдал целиком подгорному, нижнему, огню, а силу и красоту вершинного осознал по-настоящему много позже.

Открыв глаза, Лэйли некоторое время следила, как бледнеет восток. Как теплеют и меняются краски пустыни. Как серая полоска ночи наполняется мелкими деталями – рисуются тенями самые малые морщинки барханов, сухая слабая трава густеет длинными хвостами теней. Девушка прошептала несколько слов из маминых ведьминских заговоров:

Зорюшка-зоряница, красная девица,

проснись-пробудись,

в дольный мир всмотришься,

со мной пошепчись.

Что видится, что движется,

что копится, днем озарится,

явится-обновится,

на пути моем отразится...

На магию это мало похоже, точного результата не дает. К тому же работает не всякий раз, но чаще и точнее всего, когда не без повода спрошено.

Эриль смущенно пожимала плечами, слушая деревенские стишки, и некоторые запоминала. Нормальное поисковое заклятие магу пятого и более высоких уровней даст и число идущих, и их настроение, и расстояние, да что там – даже портрет. Вот только сильный маг в опознаваемом отряде вполне способен ощутить поиск, направленный на него. Тем более здесь, в дикой пустыне,

где не слоятся и не мешаются чужие настроения, не шумят голоса города, не толкуются люди, мешая сосредоточиться. А шепот ведьмы всегда сообщает разное, зато никому, кроме самой ведьмы, не внятн.

На сей раз ей ответили щедро и полно. Показали всю картинку взглядом старого коршуна, выбравшегося на раннюю охоту.

Караван, идущий с востока, состоял из трех десятков сильных верблюдов. Крытые носилки были только на одном, в самой середине цепочки. Прочие шли без седоков, с грузом, люди бежали рядом. Коршун хорошо видел темные клейма в основании шеи каждого. Еще он, парящий высоко, уже купающийся в первых лучах восхода, знал: караван доберется до стоянки Лэйли очень скоро, часа за три, а то и быстрее.

Когда проснулся Гэхир, его новая хозяйка уже усердно рыла убежище чуть в стороне от стоянки, в склоне бархана, рядом с группой крупных валунов. И так преуспела, что раб только удивленно покачал головой и молча выслушал просьбу. Вчера он воспринимал бы любые просьбы хозяев как злую и глупую насмешку: носящим клеймо приказывают. Ночь дала время подумать, отдохнуть и даже немножко вспомнить себя из прежней, свободной, жизни. Он не стал тратить время – кланяться, упираясь лбом в песок, долго приветствовать хозяйку подобающими словами. Просто кивнул и взялся собирать завтрак, а потом сортировать вьюки, упаковывая в пару небольших мешков то, что необходимо пешим путникам. Едва это дело было завершено, Лэйли устроила спутника в выкопанном убежище и взялась убирать лишние следы. Без всякой там глупой магии, разве зря с ней занимались лучшие следопыты эльфов?

Когда караван обозначился на горизонте крошечными темными точками, когда вытянулся муравьиной цепочкой, Лэйли уже закончила натягивать полог и засыпать его. Устроилась рядом с Гэхиром, и вдвоем они стали ждать. Узкая щель, позволяющая наблюдать за местностью, ловко пряталась в тени, в самой середине группы крупных камней. Вцепившаяся в песок трава выглядела нетронутой. Папа гордился бы своей младшей дочерью, довольно отметила Лэйли. Вздрогнула и торопливо зашептала, скатывая в пальцах клеймо, стирая его с шеи Гэхира. Ведь найдут по метке! Успела... Теперь и правда, кажется, все.

Пешие подбежали и упали на колени, едва заподозрив присутствие чужого мага. Три раба подставили плечи и спины, выстраивая ступени лестницы для своего хозяина, помогая ему покинуть седло.

Пожилой загорелый человек, сухой и рослый, с застывшим на лице, видимо давно и навсегда, отпечатком высокомерного презрения ко всему миру, спустился и прошел к шатру. Вчера вечером Гэхир устроил Фэриза, пребывающего в беспамятстве, со всем возможным почтением. Под пологом, на ковре, в многочисленных подушках. Прибывший вошел в шатер и оставался там недолго. Повелительно выкрикнул пару слов, и два крепких молодых раба послушно вползли в шатер. Несколькими минутами позже их вынесли вызванные на подмогу служители мага – синевато-бледных и, как показалось Лэйли, уже неспособных жить. Ей стало страшно. Такой опасной и холодной магию никогда не представлял себе ни один эльф, решила девушка.

Рабов бросили в песок, лицами вниз, подтверждая худшие подозрения Лэйли. Полог раздвинули руки мага. Точнее, магов, Фэриз уже стоял на собственных ногах. Выглядел он вполне здоровым, но расстроенным.

– Где теперь искать того, кто увел твоего раба? – насмешливо спросил прибывший. – Глупая затея, как я и полагал. Долгоживущие не дураки, следовало ли сомневаться, что им до нас нет дела? Запад не наполнит силой, но проблемы причинить может – так гласят подлинные летописи. Я не в состоянии найти следа их магии или ног... Что они, по воздуху улетели?

– Увы, нет и отклика от клейма Гэхира, – вздохнул Фэриз. – Но вы по-прежнему пытаетесь завладеть тем, от чего нас отодвинули, достойный учитель Ошгир. А я опасаясь, как бы оно не завладело нами и всем краем Дэйгэ. Я действительно хотел просить о помощи. Увы, маги запада, как и вы, подозревали корысть, раз ушли и стерли свой след. Но все же были ко мне добры, сохранили жизнь.

– Доброта не есть категория мышления мага, – сухо усмехнулся старик. – Ты для нашего дела с самого начала не годился. Своих рабов пил не ради развития, а по мере необходимости. Глупо. Мир лежит у ног творящего подчинение, как эти тупые клейменные бараны. Я не дам тебе рабов, выпутывайся сам. Сила нового времени ищет себе хозяина, а ты трус, мой худший ученик. Тебя следовало пить, а не воспитывать, расходуя впустую

слова и время. Подымай тут, а я пойду к повелителю и поклонюсь ему. Стану сперва одним из немногих верных, а потом, очень может быть, и первым.

– Вы научили меня останавливать засухи, – усмехнулся Фэриз. – Но ваша душа теперь суха, и я ничего не могу изменить. Мне и самому стало много хуже, когда я пригубил из чаши чужой жизни. Идите, учитель. И поверьте, я глубоко чту обретенное знание, я вам не враг.

– Но и не опора, – зло отозвался Ошгир. – Я выучил этот урок: учеников надо клеймить, как и иных баранов. Тогда можно ожидать настоящей верности, а не глупых раздумий. Твоих верблюдов я беру в оплату лечения: чтобы поскорее поднять тебя, я пил своих рабов. Прощай, ты сделал свой последний выбор. Ложный, как и все прежние.

Рабы уже снова приготовили лестницу из спин, и старый маг взобрался в седло. Погонщики засуетились, поднимая верблюдов, готовясь выступить в обратный путь. Очень скоро караван перевалил ближний бархан и скрылся в ложбине.

Фэриз смотрел ему вслед недолго. Отвернулся, подошел к брошенным рабам и перевернул обоих лицами вверх. Тронул вену на шее, провел раскрытой ладонью над глазами. Вздохнул, недовольно покачал головой. Задумался ненадолго, скинул плащ, укрыл лица и ушел в шатер, нелепый крошечный приют тени посреди безводной пустыни. Лагерь этот – могила при жизни, поскольку нет для брошенного утомленного одиночки спасения от губительной жажды.

Лэйли толкнула соседа локтем и зашептала ему в ухо:

– Он у тебя не самый мерзкий из всех, как теперь понятно.

– Пил меня много раз, но я жив, – согласился Гэхир. – А тот... в старике нет ни капли души. Я видел нескольких магов: все – как пустыня ночью. В Фэризе живет тепло, вот поэтому я и чтил его. Мы не бросим господина? Без верблюдов и воды он обречен.

– Паршиво у нас со скрытностью, – вздохнула Лэйли. – Кем назовем меня?

– Пленницей напавших на нас позавчера, – быстро прикинул возможные варианты Гэхир. – Имя у тебя... ох, у вас, хозяйка...

– Во-во, у тебя, – довольно кивнула Лэйли. – Говорила сразу – не нужен мне раб. Значит, западный маг одолел врагов, нас освободил и ушел.

– И еще он вернул нас сюда для помощи господину, – облегченно кивнул раб, теперь уже бывший. – Имя Лэйли почти подходяще, его можно переименовать в Лэйла, на южный манер... А далее – Алкей, обширный и уважаемый род в землях народа мухош. Ты дочь военного кошима, и он учил тебя, собираясь предложить для охраны женской части дворца, так иногда делают. В обычаях со временем разберешься, кошими девушки злые и упрямые. Чуть что – в драку лезут... Шипят, как дикие кошки. Многие полагают, что они невоспитанны. О себе не любят рассказывать.

– Когда ты начинаешь думать, а не кланяться, от твоей головы есть польза, – заулыбалась Лэйли. – Пошли.

Маг сидел в шатре в глубокой задумчивости. Собственно, он совершенно точно знал, что живым из песков не выберется. Учитель умел исправлять свои ошибки и Фэриза счел именно «ошибкой». Теперь обрушил на его голову месть. Покарал позорной и страшной смертью раба, изменившего магу. Сохнуть в пустыне – мучительно, и выхода из сложившегося положения нет. Фэриз перебрал вещи и усмехнулся – небольшой кувшинчик воды, имеющийся в шатре, предусмотрительный Ошгир пнул ногой и опрокинул, выходя. То есть уже тогда все решил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/oksana-demchenko/korolevskiy-maskarad-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)